DB 400
A -78

Апушкин, В.А.
Генерал от
поражений...
М., 1925

ДБ
400
178

9 2 5

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

В.А.Апушкин.

92
С91

ГЕНЕРАЛ ОТ ПОРАЖЕНИЙ В.А. СУХОМЛИНОВ

927
А78
92
С91

ИЗД-ВО „БЫЛОЕ" ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1925 ГОД

„БЫЛОЕ“

Журнал, посвященный истории русского революционного и общественного движения, вы[illegible]

12 руб.

Подпис[illegible]
Ленингр[illegible]
в отде[illegible]
ного Т-[illegible]
Ленингр[illegible]
агентс[illegible]
гапель[illegible]
и в ее о[illegible]
Общест[illegible]
Петров[illegible]

В 1925 [illegible]
напечат[illegible]
чева -[illegible]

Б
92
С91

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

В. А. Апушкин

92
С91
50655/80

ГЕНЕРАЛ ОТ ПОРАЖЕНИЙ

В. А. СУХОМЛИНОВ

1936
947
А78

Издательство „БЫЛОЕ“
ЛЕНИНГРАД
1925

Ленинградский Гублит № 22905. Тираж 5000 экз. —

ГОС. УЧЕБНО-ПРАКТ. ШКОЛА-ТИП. ИМ. ТОВ. АЛЕКСЕЕВА. ЛЕНИНГРАД. КРАСНАЯ,

Материалами при составлении настоящего очерка послужили: «Обвинительный акт об отставном генерале-от-кавалерии В. А. Сухомлинове и жене его Е. В. Сухомлиновой»; отчеты газет о судебном процессе их; дневники Сухомлинова за 1914 и 1915 г.г., напечатанные в историческом журнале «Дела и Дни» (книга 1-я и 3-я); переписка Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем, напечатанная в историческом журнале «Красный Архив» (том III, 1922 г.); книги, заглавия которых указаны в тексте очерка, а также воспоминания и личные впечатления автора.

В. А.

I.

«Исторический человек».

«...Сухомлинову выпадает необыкновенно счастливый случай сделаться историческим человеком. Он шутя может приобрести себе великое имя. Армия и Россия, как никогда, нуждаются в талантливом военном организаторе... Поднять выпавший из рук России грозный меч, восстановить армию в ее прославленной когда-то мощи,— какая задача! Каждый сколько-нибудь одаренный человек должен благословлять судьбу, попадая теперь в русские министры. Сколько неотложной и огромной по последствиям работы!.. Всё обрушилось, всё превратилось почти в первобытный хаос... В такое время даже не гениальный, а просто даровитый человек, выдвинутый судьбой к великой роли, без больших хлопот может заработать себе бессмертие».

Так писал в 1909 году нововременский публицист Меньшиков по поводу назначения Сухомлинова военным министром.

И Сухомлинов, действительно, стал «историческим человеком», как стал им во Франции маршал Лебеф. Не заяви последний в июне 1870 года

...лите депутатов, что «Франция готова к войне ... последней пуговицы к гетрам»,—кто помнил ... нем? Кто помнил бы о маршале Базене, не ... он так бесславно в том же 1870 году ... и крепость Мец и запертую там француз- ... армию?

... забудется и имя Сухомлинова. Только ...ическому человеку» могла быть оказана ... треча народом, какая выпала на долю Сухо- ...ва. Очевидцы ее никогда не забудут этой ...ческой сцены.

...рвое марта 1917 года. Революция пришла. ...ный суд творится. Таврический дворец, ...водоворот в глубокой и быстрой реке, вы- ...шей из берегов, сорвавшей все плотины, ...ает в себя всё новые и новые сотни и тысячи ... Шумят людские волны вокруг дворца и ... Широким, неудержимым потоком вкаты- ...ются они в настеж открытые двери его, разли- ...ются потоками по его извилистым и длинным ...орам, заливают его огромные залы. Словно ...водопада,—слитный гул голосов... Тонут ... отдельные слова и звуки...

... вдруг—резкое, неистовое тысячеголосое—

— А—а—а—а!!!...

...остный рев огромного чудовища прорезает ... шума... Новые волны людей рвутся с улицы ...ие...

...рвались, всколыхнули стоявших внутри, ...или, смяли, влились в нее!.. Стало тесно ...ть.

— Что такое?!.. Что случилось?!..

— Сухомлинов!!!.. Ведут Сухомлинова!..— ... над толпой общий крик.

Это имя электризует людей,—заражает их гневом, яростью, мщением. Искажаются лица, ненавистью загораются глаза, вздымаются руки со сжатыми кулаками, с губ срываются хриплые звуки проклятий и брани.

Так во дворце Революции не встречали еще ни одного министра павшего режима.

Вот Горемыкин,—старый, матерой, закоренелый враг народного представительства, типичный бюрократ, близкий царю, далекий народу, убежденный враг его свободы. Дряхлый старик, он, никем не тревожимый, дремлет в кресле в одной из зал под охраной часового. На него бросают мимоходом взгляды и легкие добродушно-саркастические улыбки.

Ярость толпы—только Сухомлинову. Конвой прикрывает его своими телами и оружием и с трудом прокладывает ему путь сквозь эту ярость.

Несколько рук протянулось, чтобы сорвать с Сухомлинова фуражку и погоны.

Солдаты приподняли винтовки, чтобы прикрыть их.

— Граждане, успокойтесь... Успокойтесь,— все время говорит направо и налево начальник конвоя.—Не надо самосуда...

— Изменник!!. Предатель!!. Подлец!!.— кричит толпа.

Град ругательств сыплется на Сухомлинова. Они летят ему вслед, встречают его спереди, врываются ему в уши, шлепают его по лицу.

Он идет, ежась от них, подняв плечи, втянув в них голову, с засунутыми в карманы пальто руками... Видно, как натянулись мускулы его желтого, обрюзгшего и похудевшего лица. Глаза

с[illegible]ят прямо пред собою, но едва ли различают [illegible] либудь в этом хаосе тел, лиц, поднятых рук, [illegible]ельств и криков.

[illegible]ак не похож он теперь на того Сухомли[illegible] каким еще недавно знал его и видел [illegible]бург!.. На того молодившегося старика [illegible]арской форме,—франтоватого, с полным, [illegible]ленным, самодовольным лицом.

[illegible]ерь на этом лице, под маской самообла[illegible]ния, читалось:

— Только поскорее бы дойти до министер[illegible] павильона!.. Там я буду в безопасности...

[illegible] как он прежде не любил бывать там, ко[illegible]ог ездить в этот же дворец в министерском а[illegible]обиле!

[illegible]рез несколько месяцев от этого историче[illegible] дня Петербург снова увидел Сухомлинова,— [illegible]камье подсудимых, в зале Собрания Армии и [illegible]ота, в который он не раз входил и прежде с [illegible] же самодовольным лицом... И сотни генер[illegible]ких и офицерских голов склонялись тогда [illegible] приветствия его, как военного министра. [illegible]ерь его сопровождают не адъютанты, а сол[illegible]—конвоиры, и никто не приветствует его, [illegible]тни глаз любопытно и враждебно разглядыв[illegible] его, как государственного преступника.

На его лице нет уже самодовольства. Оно еще [illegible] посерело и похудело; оно скорее расте[illegible]о, и видно, как Сухомлинов старается внешне к[illegible]ься спокойным, сохранить самообладание п[illegible] тяжестью тех обвинений, которые ему предъ[illegible]ны. На серой, вытертой тужурке белеется г[illegible]иевский крест. Это его прошлое, его моло[illegible]ь. Она-то и обманула всех и его самого.

Он верил в ее непреходимость — и попрежнему любил красивые мундиры, красивых женщин, хорошее общество, салонный остроумный разговор, комфортабельную и беспечную жизнь... А от него потребовали неустанного, кропотливого и сложного труда... Ему приказали быть «историческим человеком», — военным министром России. Конечно, это лестно, выгодно, почетно... Кто уклонился бы от этого? Он согласился, — тем более, что убежден был, что русские министры безответственны.

— «У нас ведь, слава богу, нет еще парламента»... Так думал не один Коковцов. В это верил и он, Сухомлинов. Он отлично знал, что от министров требовались не столько трудоспособность, знание, талант, ум и воля, сколько угодность и угодливость монарху.

И вдруг — Революция!.. Вдруг — народный суд! Он этого не ожидал и не предвидел. Он полагался на режим самодержавия. А он исчез, — он обманул, подвел, как обманула и исчезла молодость.

Сухомлинову всё это казалось величайшей несправедливостью. Самодовольство, воспитанное в нем малозаслуженным успехом его блестящей карьеры, мешало ему и на скамье подсудимых понять и признать ту глубочайшую и страшную трагедию, которую переживала Россия и в частности, ближайшим образом, русская армия, брошенная в войну без снарядов, без винтовок, без патронов, без всего, что дает победу, — трагедию, в которой он был повинен не только как член правительства, но и как военный министр.

в его лице судили весь режим, эгоистичный, развращающий,—и Сухомлинов не понимал, что он был жертвой этого режима, развратившего его душу, ум и волю, извратившего все те хорошие задатки, что в нем были и проявились в молодые годы его жизни.

II.

Начало карьеры.

О Сухомлинове русское общество впервые услышало в 1877 году из корреспонденций Всев. Крестовского с театра войны нашей с Турцией. Ему было тогда 29 лет, но он был уже в чине подполковника генер. штаба и состоял при полевом штабе Дунайской армии.

В октябре 1877 года Сухомлинов был командирован в отряд ген. Карцова, которому дана была задача занять трудно доступный и сильно укрепленный турками Траянский перевал. В этой операции Сухомлинов проявил себя энергичным, деятельным офицером. С небольшими партиями казаков и болгар-охотников, в суровую зимнюю пору, в метели и вьюги, он трижды всходил на вершины Траяна, на высоту 7000 футов, обследовал все его обледеневшие каменные склоны, изучил все его занесенные снегом тропинки — и, когда отряд Карцова в декабре начал наступление, Сухомлинов вывел наши войска в тыл турецких позиций и тем заставил турок их очистить. За это Сухомлинов по статуту награжден был орденом св. Георгия 4-й степени. Он проявил

большую лихость и отвагу, когда вскакал с четырьмя казаками в гор. Гюмурджину, потребовал от занимавших город турецких войск немедленной сдачи — и получил ее.

Вот каким был Сухомлинов в начале своей карьеры.

В своих воспоминаниях ген. Карцов писал о нем: — «При первом свидании с этим штаб-офицером я понял с кем имею дело, и не ошибся: в течение 3-х месяцев, которые он оставался при мне, я мог только удивляться его такту и усердию. В продолжение всей моей многолетней службы я не встречал офицера генерального штаба более способного, полезного и приятного для войск и их начальников» [1]).

И в тех же воспоминаниях мы находим рассказ, дающий ключ к пониманию Сухомлинова в будущем.

К Карцову в отряд заехал командир гренадерского корпуса. Это был, надо думать, ген. Ганецкий, будущий герой Плевны,— человек храбрый, но бестолковый. Понадобилось ему послать депешу, и он стал диктовать содержание ее одному из своих адъютантов. Генерал, однако, никак не мог ясно формулировать, что он хочет, — и сердился на адъютанта.

— «Раза три,—рассказывает Карцов,—писалась и переписывалась депеша, наконец, находившийся при мне подполковник Сухомлинов, под видом желания дать писавшему время напиться чаю,

---

[1]) П. П. Карцов. «Из прошлого». Личные и служебные воспоминания. Часть 2-я, 1876 — 1878г. г. СПБ. 1888 г., стр. 699, примечание.—Разрядка моя.

…ложил заменить его и умел сразу угодить корпусному командиру [1]).

Итак, уже в ту пору, в начале своей карьеры, Сухомлинов проявил способность угодить, быть приятным для войск и их начальников.

Таким charmeur'ом Сухомлинов был в обществе своих начальников, друзей, знакомых, дам. Он эту именно свою способность и культивировал впоследствии всю свою жизнь, понимая, как много она дает там, где ценят не прямоту, не силу воли, не труд, не стойкость характера, а угодливость, приятность обращения, остроумное словцо и гибкость спины и совести.

Впоследствии Гучков скажет о нем на суде: — «Сухомлинов во всех министерских составах был самым влиятельным членом кабинета. Это я объясняю тем, что он умел подойти ко всем слабостям государя, умел волновать и радовать его своими докладами, потворствовать всем его капризам, ублажать его так, как никто не ублажал. Все свои дарования он направил к завоеванию личности монарха и эту личность полонил целиком».

Понятно, почему Николай II впоследствии с таким трудом и неохотно расстался с Сухомлиновым. Но, конечно, приятность и угодливость последнего не были низкопоклонством, грубой лестью и лакейством. Настолько-то он был умен, чтобы хранить хороший тон. Его натура была не своеобычною, не оригинальною, а всегда усваивающею черты среды, в которую он попадал, — ее взгляды, ее вкусы. Киевляне правых партий

[1]) Там же, стр. 68; фамилия корпусного командира Карцовым не названа. Разрядка моя.

упрекали Сухомлинова, когда он был генерал-губернатором Юго-Западного края, в излишнем тяготении влево; среди киевских националистов за ним установилась репутация «кадета»; те и другие, отмечая замечательный талант Сухомлинова рассказывать, согласно винили его в равнодушии к военному делу.

Но едва Сухомлинов из Киева переместился в Петербург,— он стал ярым монархистом, противником всех левых партий и ненавистником народного представительства. Прочтите в его дневнике те записи, где он говорит о государе,— обожание монарха сквозит в каждом слове. Воспроизводя в нем письмо Николая II, которым Сухомлинов извещался о своей отставке, он прибавляет:— «Спасибо дорогому государю за это ласковое слово...». По поводу созыва совещания по обороне государства, Сухомлинов 23 августа 1915 года заносит в свой дневник:— «На театре войны «без перемен», зато в речи нашего обожаемого государя твердое слово... Бог в помощь нашему дорогому царю...».

Известие, что Николай II принял на себя верховное командование армией, вызывает у Сухомлинова лирические строки:—«В добрый час. Верховный Вождь Армии взял меч в свои руки, и какое счастье будет, если господь поможет помазаннику его повернуть счастье в нашу сторону» (26 августа 1915 г.).

Не мог не понимать он, что Николай II не полководец, что если оперативная мысль Ставки и изменится, то это будет следствием замены Янушкевича другим лицом, более талантливым и опытным,— и тем не менее не упускает случая

...вить еще раз свою преданность лицу монарха. ...млинов знал, что Николай II любит читать ...ники своих министров, — и на это, конечно, ...итывал, делая соответствующие вкусам государя записи.

...вным образом он знает, что никакой опасности Николай II не подвергался при посещении ...ольца и никакого героизма там не проявил, но ...не менее в переписке с Янушкевичем он кидает мысль, что царь «заслуживает Георгия» (Письмо от ...октября 1914 г.). Так как Янушкевич на это «...клюет», — Сухомлинов агитирует чрез министра двора графа Фредерикса и пересылает Янушкевичу записку, составленную в Капитуле орденов, по вопросу о поднесении императору ордена св. Георгия.

— «Так как взгляда его величества никто из нас по этому делу не знает, — инструктирует он Янушкевича, — то вопрос проектируется «вниманию» только думы [1]), а не решению. Если выяснится, что дума того мнения, что по статуту дело могло бы решиться в положительном смысле, — то об этом Верховному Главнокомандующему следовало бы сообщить совершенно конфиденциально графу Фредериксу или мне, а тогда явилась бы возможность узнать, как на это посмотрит государь, и разрешить дело в том или другом смысле...» (Письмо от 7 октября 1914 г.).

Ставка была глуха, однако, ко всем этим внушениям Сухомлинова. И только через год, по инициативе другого льстеца, ген. Иванова, командовавшего Юго-Западным фронтом, Николаю II

[1]) Кавалерская дума ордена.

поднесен был георгиевский крест за подвиг такого же свойства, — посещение передовых позиций. Отмечая это в дневнике, Сухомлинов восклицает: — «Боже храни нашего обожаемого Верховного Вождя на славу нашей Родины. Его Величеству надлежало получить этот крест за Осовец». (26 октября 1915 г.).

Считая себя «самым верным и преданным государю человеком», Сухомлинов усваивает себе точку зрения своего монарха на народное представительство и общественные организации, как на врагов существующего государственного строя [1]).

В манифесте 17 октября 1905 года он не видит ничего, меняющего этот строй.

Этот взгляд совершенно соответствовал пониманию самим царем подписанного им манифеста. И это их сближало, делая Сухомлинова приятным для царя.

III.

Сухомлинов—литератор.

Во всей дальнейшей службе Сухомлинова после русско-турецкой войны мы не находим ничего похожего на то, чем он проявил себя в от-

---

[1]) В книге М. К. Лемке — «250 дней в царской ставке» мы находим следующий диалог царя с ген. Алексеевым: — «Ваше величество, не прикажете ли своевременно приветствовать оба съезда (обще-земский и союза городов)? — Стоит ли? — ответил Николай. — Вся эта работа — систематический подкоп под меня и под мое управление. Я очень хорошо понимаю их штуки... Арестовать бы их всех вместо благодарности. — Но, ваше величество... — Ну, хорошо, хорошо, пошлите им. Придет время, тогда с ними сочтемся...» (стр. 193).

ген. Карцова, — кроме приятности войскам и их начальникам.

Он был правителем дел в Академии генерального штаба (1878—84 г.), командовал драгунским полком (1884—86 г.), начальствовал Офицерской кавалерийской школой (1886—97 г.), командовал кавалерийской дивизией (1897—99 г.). За это время, на всех этих постах, в деле обучения и боевой подготовки войск он не проявил никаким творчеством, ничем свежим, ярким, новым, оригинальным. Его биограф ничего не может поведать нам о деятельности Сухомлинова, кроме голого перечня должностей, им занимавшихся [1]). А между тем этот биографический очерк напечатан в официальном издании, вышедшем в свет, когда Сухомлинов был уже военным министром, — и известна склонность в таких случаях отыскивать «великие заслуги и дела» у «великих сего мира», делать из лягушки вола.

Тем не менее у Сухомлинова была своеобразная популярность в армии. Он создал ее рядом брошюр, выпущенных им в период 1892—1898 г. под псевдонимом Остапа Бондаренко.

Приняв тон старого отставного кавалериста — служаки «николаевских времен», живущего не у дел на полтавском хуторе, он ворчит, иронизирует, брюзжит и зубоскалит по поводу всяких новшеств в кавалерии, проявления инициативы, творчества и самодеятельности [2]).

[1]) См. издание — «Столетие военного министерства», вып. «Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1901 г.». СПБ. 1911 г, стр. 309—316.

[2]) Вот их характерные названия: 1) «Старикавское слово о конниках» (1892 г.); 2) «О стрельбе с коня» (1892); 3) «Письмо к приятелю» (1892); 4) «Конница fin de Siècle» (1893); 5) «Письмо к племяннику»

А между тем был канун XX столетия — и военное дело переживало кризис. Был уже изобретен бездымный порох, магазинное ружье, скорострельная артиллерия... Начиналось завоевание воздуха... Техника делала все новые гигантские шаги. Конница теряла историческую роль «царицы полей сражений». Естественно было призадуматься над ее ролью в будущем, — отнестись к новым взглядам и предложениям не с одной насмешкой и выдвинуть против теорий, казавшихся ложными, свое определенное и положительное мнение.

Ничего этого в брошюрах Остапа Бондаренки нет. Их лейт-мотив: — «было у нас в старое время много дурного, было и хорошее. С первого нечего примера брать, но почему же не пользоваться хорошим, не выдавая его за что-то новое»... Он — ярый враг учености, профессоров, звания, которое он ставит всегда в ковычки, снабжает его эпитетами — «табуретные», «кабинетные»... Кажется, что он готов сжечь все книги, кроме своих брошюр, — так кажутся они ему все вредными. Читаешь эти тощие брошюрки и недоумеваешь: почему Сухомлинов не выбрал себе псевдонимом имена Скалозуба или «генерала Дитятина».

Ратует ли ген. Сухотин [1]) за втянутость конницы в работу еще в мирное время, организуя с этой целью 1600-верстный пробег кавале-

(1893); 6) «Не всегда ученье свет» (1893); 7) «Ученые вольности» (1893); 8) «В Тмутаракании» (1895); 9) «Плоды неблагополучия»» (1896); 10) «Сак-вояж служаки» (1896); 11) «Чудописатели» (1897); 12) «Наши столпотворители» (1897); 13) «Литераторы левого фланга» (1898 г.).

[1]) Заслуженный профессор Академии ген. штаба, впоследствии — ее начальник.

9835-6

ри[illegible] бригады, отчет о котором он потом пе[illegible] [1]),—Остап Бондаренко ехидничает:

— В строю человек не служит, потому— че[illegible] работы не любит. Придет фантазия ус[illegible] себе увеселительную поездку на не[illegible] десятков верст,—результатом этой про-гу[illegible] является сейчас целая книга и на обложке ка[illegible] нибудь страшное слово вроде «жупела» ил[illegible] ты, превращенной во внушительную цифру из[illegible] ли дюймов, напоминающие 80.000 верст под водой Жюля Верна.

[illegible]шнее заметить, что сам «Остап Бонда-ре[illegible] Сухомлинов в это время также «в строю не[illegible]т»—он начальствует Офицерской кавале-ри[illegible] школой, в задачи которой входят всякие о[illegible]ные кавалерийские работы. Но их не п[illegible]водит именно потому, что «черной работы» он [illegible]же уже не любит.

[illegible]нимает ли тот же Сухотин вопрос об о[illegible] конницы стрельбе с коня,— Остап Бон-да[illegible] опять зубоскалит на хуторе...., то бишь, на [illegible]рочной улице:

«[illegible]идимому, автора «осенило» в одно пре-кр[illegible] утро,—наитие это нашло в сердце, на-ко[illegible]ях и отважном духе профессора бла-го[illegible] почву, привилось, дало рост...»

[illegible]лее, «ни к селу, ни к городу», он срав-ни[illegible] его с Галилеем, Коперником, вспоминает И[illegible] Гуса, китайцев, изобрезших порох и и[illegible] возможность «пугать врагов своих силою э[illegible]ого взрывчатого вещества».

[1]) [illegible]. Н. П. Сухотина носит название:—«Беседы о конноме. 16[illegible] похода 1-й бригады 12-й кав. дивизии. Опыт подготовки ко[illegible] походной боевой работе». СПБ. 1892 г.

Издает Сухотин чрезвычайно интересную книгу — «Рейды, набеги и поиски американской конницы в войну 1861—65 г. г.» — всю проникнутую воспитывающим кавалерию духом инициативы, отваги, маневра, — Остап Бондаренко глумится и над нею и над автором, «выдумавшим американцев».

Совершает корнет Асеев конный пробег из г. Лубны в Париж... Остап Бондаренко иронически замечает по его поводу: «...Заслужил славу не менее Эйфелевой башни».

Начинает простой армейский офицер, любящий свое дело (Д. Д. Кашкаров), издавать в Иркутске на свои скромные средства журнал — «Армейские Вопросы»... Вы думаете — «Остап Бондаренко» — Сухомлинов поддержит частное военное издание и энергию его инициатора? Нет, он убивает ее, иронизируя над «литераторами левого фланга». А глумиться решительно было не над чем...

Составил Аркадьев библиографический указатель книг и статей по кавалерийским вопросам, — и это пища для остроумия Остапа Бондаренко.

Выпустил «старый кавалерист» книгу о коннице, в которой делится своими мыслями о ней по долголетнему служебному опыту...— у Остапа Бондаренко готова уже насмешка. Книга названа «сак-вояжем служаки». Пишет, между прочим, этот «служака» об опасности, грозящей нам со стороны Германии... Остапу Бондаренко кажется смешным призыв «по примеру Минина и Пожарского принести всё, что имеем, и самую жизнь» в борьбе с нею.

Некто еще в 1898 г. высказывает мысль, что военная одежда на войне должна быть «защит-

но... Остап Бондаренко сейчас же сводит вопрос к простым серым мешкам с дырками для пяток, что можно было их показывать неприятелю...

Таково уже остроумие Остапа Бондаренки—Сухомлинова. Оно создало ему популярность в придворной среде, а среди людей «с положением» дало повод думать, что за критикой чужого у Сухомлинова есть кое-что свое, за остроумием предполагали творческий ум, за бойким словом—бойкость дела.

К тому же, не перемонясь с «литераторами левого фланга», Сухомлинов старался быть приятным литераторам правого... Он тонко льстил в своих брошюрах от имени Остапа Бондаренки Драгомирову, царившему в то время в военной печати. Не называя его имени, он почтительно говорил о «большом мастере, талантливо развивавшем применение системы одного из великих полководцев (Суворова), не выдавая ее за свое...».

У французов есть пословица: «клевещите, клевещите,— всегда что-нибудь останется». Ее можно применить и к лести. Льстите—и всегда что-нибудь добьетесь. Сухомлинову удалось обольстить на счет себя даже такого проницательного и тонкого знатока людей, как Драгомиров.

IV.

Киевский период.

Видя в Сухомлинове единомышленника своих взглядов на значение духа на войне, Драгомиров в 1898 году взял его к себе начальником штаба Киевского военного округа.

Некоторые склонны были объяснить этот выбор тем соображением, что такие сильные сами по себе люди, каким быд Драгомиров, склонны окружать себя бездарностями и ничтожествами, не затмевающими их света. В данном случае едва ли это так. Известно, что Драгомиров в свое время желал иметь начальником своего штаба А. К. Пузыревского. человека большого и острого ума, высокоталантливого офицера генерального штаба. Предшественником Сухомлинова был ген. Шимановский, человек очень умный, деятельный, с большим, негнувшимся характером. И если после смерти Шимановского выбор Драгомирова пал на Сухомлинова, то в этом случае не малую роль играли, вероятно, проповеди «духа» Остапа Бондаренки, представление о Сухомлинове по деятельности его в 1877—78 г г., память о совместной службе в Академии генер. штаба, где Драгомиров был начальником, а Сухомлинов — правителем канцелярии, и «приятные» впечатления от командования Сухомлиновым дивизией в том же Киевском округе.

Как бы то ни было, Сухомлинов занял этот важный и ответственный пост в пограничном с Австрией военном округе. С тех пор он стал светиться светом Драгомирова, как некогда Куропаткин светился Скобелевским светом. Он жил его умом, его идеями, его энергией. Надо признать, что для несклонной к самостоятельному творчеству личности Сухомлинова служба его при Драгомирове лишь усилила те черты ее, которые сказались после русско-турецкой войны и окончательно кристаллизовались на посту военного министра: внешний, неглубокий интерес к военному

...и поверхностное отношение к службе,—кото-
...не волк, в лес не убежит». Главное дело: надо
... угодить Драгомирову, быть его достойным
...роумии собеседником. Сухомлинову это было
...лам. В роли же начальника штаба он ничем
... не заявил и как таковой отнюдь не мог
...ться ни с Нагловским, ни с Пузыревским,—
...ьниками штаба у ген. Гурко, имевшими «свое
... и свой авторитет на-ряду с последним.

Как несерьезно относился Сухомлинов к делу,
...зывает следующий характерный случай.

В 1902 г. происходили в высочайшем присут-
... большие курские маневры. Одной из ма-
...рующих сторон были войска Киевского
...га, другою — войска Московского округа.
...ими во время маневра командовал тогдашний
...ный министр Куропаткин. Старевший и бо-
...ий Драгомиров был при нем, как шутили
...рии, в роли гувернера. Сухомлинов исполнял
...ности начальника полевого штаба Южной
(...вской) армии. Это назначение подготовляло
... роли начальника штаба действующей армии
...час войны. И вот Московская (северная)
..., защищавшая подступы к Москве, решила
...вести на маневрах опыт партизанской войны.
...изанские отряды были сформированы и бро-
...ка сообщения Южной армии. Одному из
... забравшемуся в тыл киевлян, удалось захва-
... в плен ни более ни менее как самого на-
...ника штаба Южной армии ген. Сухомлинова,
...чно схавшего в коляске в районе маневров
...вий. Он был взбешен и кричал на началь-
... партизанского отряда, ген. шт. капитана
...ихса, требуя своего освобождения:

— Что это за выдумки! Какие там партизаны!

Он вызвал старшего посредника, и тот, чтоб избежать скандала, признал факт пленения Сухомлинова недействительным. Партизанским действиям со стороны Московской армии был положен конец. Так отнесся к опыту их тот, кто в своих военных рассказах «На большой Смоленской дороге» старался оживить в нашей армии дух и приемы партизанов 12-го года.

Такое же отношение к маневрам Сухомлинов проявил и впоследствии, когда был военным министром.

В 1911 году, во время «киевских торжеств», хотели показать царю войска округа на маневрах. Командовавший тогда округом ген. Иванов и его начальник штаба Алексеев выбрали для них район в 40 верстах от Киева. Узнав, что это «так далеко», Сухомлинов, сопровождавший государя, предложил ограничиться наступлением на Киев с 5—6 верст и получил в ответ от Иванова:

«Пока я командую войсками округа, я не допущу спектаклей вместо маневров» [1]).

После курских маневров Сухомлинов был назначен помощником командующего войсками Киевского округа. Драгомиров подготовлял в нем себе преемника. С его стороны это было расчетливо. Он был очень ревнив к репутации войск своего округа, к введенной им системе боевой их подготовки и желал передать их в руки, которые не начали бы уничтожать всё то, что им было сделано. В этом отношении на Сухомлинова можно

---

[1]) См. книгу Мих. Лемке—«250 дней в царской ставке». Пгр. 1920 г., стр. 141.

было положиться. Этот пороха не станет выдумывать, всё будет делаться по инерции.

Но ранее чем совершилась эта смена, грянула война с Японией. Куропаткин был назначен командующим Манчжурской армией. Он предложил Сухомлинову занять пост начальника штаба ее. Это было так естественно: ведь курские маневры и подготовляли их к такой совместной деятельности. Но, сыграв роль на генеральной репетиции, Сухомлинов от участия в спектакле отказался. Ему было уютно и тепло на малоответственном пока посту помощника Драгомирова, а в скором будущем предвиделась возможность занять его место и устроиться еще уютнее. Куропаткину он посоветовал оставить при себе ген. Харкевникова, знавшего театр войны, а друзьям лицемерно говорил, что не хочет участвовать в «грязной истории», так как не верит в полководческий талант Куропаткина.

Предпочитая быть зрителем и критиком чужих ошибок, Сухомлинов не желал взять на себя труд их предотвращения. Боясь рисковать своей репутацией, он предоставлял рисковать России.

Теперь, когда мы знаем Сухомлинова, не приходится жалеть, что он не стал начальником штаба Куропаткина в 1904 году, но отказ его от этого поста, столь лестного для каждого истинно военного, свидетельствует нам о том, что он уже перестал быть таковым, что личные соображения и тогда были у него выше долга.

В конце того же 1904 года ожидания Сухомлинова сбылись. Драгомиров был уволен на покой. Он заменил его на посту командующего войсками округа и генерал-губернатора юго-

западного края. В округе всё шло по старому,—«по-драгомировскому». Опыт русско-японской войны Сухомлиновым не учитывался и в боевую подготовку войск не влилась живая, свежая струя. Правда, «Остап Бандаренко» не высмеивал более в своих брошюрах новшеств, принесенных с полей сражений их участниками, но командующий войсками не склонен был ценить ни их боевой опыт, ни их боевые заслуги. Он проявлял поразительное равнодушие к военному делу. Это бросалось в глаза даже штатским людям. Так же равнодушен он был и к делам гражданского управления краем,—настолько равнодушен, что членами Госуд. Думы от юго-западного края в Думу был внесен законопроект об упразднении генерал-губернаторства.

Целью авторов законопроекта было—обратить внимание правительства на бездействие Сухомлинова как генерал-губернатора. Но предпринятый ими шаг имел совсем иные последствия.

V.

Начало петербургского периода.

Репутация Сухомлинова как «дамского угодника» и «приятного в обществе человека» стояла в Киеве гораздо выше репутации его как администратора и военачальника. Но ореол его как ближайшего и долголетнего сотрудника Драгомирова был так велик в официальных сферах, что в 1908 году Сухомлинов призван был на пост начальника генерального штаба. Как утвер-

жет, выбор этот был сделан непосредственно Николаем II. Мы нимало этому не удивимся, зная ряде примеров, как плохо бывший император умел выбирать своих сотрудников, по каким странным признакам производился их подбор.

Между тем пост начальника генерального штаба, не подчиненный в то время военному министру, с правом личного доклада монарху по вопросам государственной обороны, требовал по условиям момента «второго Мольтке», — человека волевого, деятельного, твердого, влюбленного в свое дело и всецело ему преданного, дальновидного, с широким горизонтом. Наконец, он требовал лица, имевшего если не личный опыт русско-японской войны, то хорошо его изучившего, и не пренебрегавшего.

Ни одним этим требованиям Сухомлинов совершенно не отвечал. Багаж, с которым он прибыл в Петербург на свой новый и высокий пост... было так называемое «дело Бутовича».

Сухомлинову шел уже шестой десяток лет, когда он увлекся женой киевского помещика В. М. Бутовича. Она была вдвое моложе Сухомлинова и стала добиваться от мужа развода. Последний всячески противился. Он хотел вызвать Сухомлинова на поединок, но «не нашел секундантов»... При личном объяснении с Сухомлиновым хотел его ударить, но «не попал». Сухомлинов угрожал Бутовичу высылкой из Киева на основании правил об усиленной охране, — грозил сумасшедшим домом. Наконец, Бутович, измученный преследованиями Сухомлинова, обманутый симуляцией покушения на самоубийство своей жены, дал ей согласие на развод. Началось бра-

коразводное дело. Появились «достоверные лжесвидетели и лжесвидетельницы» супружеской неверности Бутовича. Разгадав обман своей жены, вырвавшей у него согласие на развод, возмущенный взводимыми на него обвинениями, Бутович взял свое согласие обратно и возбудил дело о лжесвидетельстве.

«Роман» генерал-губернатора и все его перипетии получили широкую огласку в киевском обществе и компрометировали Сухомлинова. С грузом этого неприятного дела на плечах Сухомлинов и явился в Петербург, сразу став здесь в двусмысленное, ложное и тягостное положение. Только один петербургский салон открыл ему и г-же Бутович свои двери. Это был салон г-жи В., одной из тех милых, бойких, с добрым сердцем женщин, которые любят устраивать чужие дела, считают себя в праве говорить, что думают, и пренебрегают условностями света. Она сама была в двусмысленном положении, будучи женой сенатора, но не живя с ним, а находясь в долголетней связи с генералом М. В ее небольшой гостеприимной квартире собиралось самое разнообразное общество. Здесь встречались и знакомились нужные друг другу люди, здесь сватали, женили, выдавали замуж, покровительствовали романам, проводили на службу, выводили в люди. Здесь на Сухомлинова смотрели как на восходящее светило, и потому он и г-жа Бутович были приняты радушно, находили здесь поддержку и сочувствие и знакомились с закулисной и интимной стороной жизни петербургского «большого света».

Сухомлинову было не до государственной обороны России. Ему надо было покончить

с [illegible]коразводным делом своей будущей жены. Последнее принимало, благодаря упрямству и настойчивости Бутовича, всё более и более грозный для него жены и Сухомлинова оборот. Отвратить его, привести к благоприятному исходу могла только высочайшая воля, а заслужить ее могла только приятность и угодливость монарху. К завоеванию расположения последнего Сухомлинов и направил все свои усилия.

Николай II не любил долгих, обстоятельных и деловых докладов. Они утомляли его. В военном же деле он интересовался мелочами, показной и парадной его стороной. Знакомству с системой нового орудия или ружья, с организацией того или иного учреждения он предпочитал рисунок юбилейного знака, кусок цветного сукна, предназначенного скрасить какой-либо мундир. Он разглядывал их долго, звал императрицу, чтобы услышать ее мнение,—и мельком взглядывал на образец остроконечной пули. Интересовали его также рассказы о том или ином известном ему лице... Словом, монарха надо было развлекать докладами, а не огорчать и не утомлять. Тогдашний военный министр, ген. Редигер по своей натуре совершенно не был к этому способен. Это был человек честный, почтенный, трудолюбивый и деловой, но с тяжелым, сухим умом, канцелярски-деловой речью, с некрасивым лицом, лишенный всякой светскости. Царь тяготился им, но не знал, кем его заменить. О замене Редигера другим лицом поднимался вопрос еще Витте при формировании им своего кабинета, но он остался на своем посту, за неимением подходящего преемника. Он нашелся в лице

Сухомлинова, представлявшего полный контраст ген. Редигеру. Живой, поверхностный, игривый ум, скользящий по предметам, бойкая речь, меткие словечки, светские манеры, приятная готовность выполнить всё, что угодно его величеству, угадывание, что именно угодно и что — нет, делали из Сухомлинова интересного и остроумного собеседника царя, который не погружал его ни в табели, ни в штаты, ни в расписания, ни в «положения».

И вот, уже в марте 1909 года Сухомлинов занял пост военного министра. И если для Редигера его отставка была полною неожиданностью, то для Сухомлинова его новое назначение не было сюрпризом. Почва к нему была им подготовлена критикой организации высшего военного управления, созданной после русско-японской войны. Она осуществлялась тогда тремя самостоятельными органами: советом государственной обороны, возглавлявшимся вел. кн. Николаем Николаевичем, — главным управлением генерального штаба и собственно военным министерством. Председатель совета (вел. кн. Николай Николаевич), начальник генер. штаба (ген. Палицын) и военный министр (ген. Редигер), каждый имел свой личный доклад у царя.

По идее образование совета госуд. обороны должно было способствовать устранению разрозненности мероприятий по государственной обороне различных ведомств государственного управления и внести согласованность их, но на практике этого объединения не было, ибо не было согласия между министрами, было взаимное подсиживание ими друг друга и оставалась в силе личная и ведомственная их заинтересован-

ности. Самостоятельное положение управления генерального штаба, выделенного из ведения военного министра, обусловливалось, главным образом, дружескими личными отношениями вел. кн. Николая Николаевича с ген. Палицыным. Заявление военного министра всем этим сильно удивилось, но ген. Редигер против этого ничего не имел, находя, что такое разъединение компетенций и должно быть, ибо «один работает в штабах, а другой должен оставаться на земле», — что военный министр не может всего обнять и т. п.

При несоответствии практики жизни идее критического разделения военной власти была легка и велась на страницах военной и общей печати. Но эти идейные соображения положили конец этому разноначалию.

Николай II, очень ревнивый к чужой популярности, был подозрительно настроен в отношении вел. кн. Николая Николаевича, которому молва приписывала к тому же давление на царя в отношении издания манифеста 17 октября 1905 г. Ген. Редигер не только не был способен к тому, чтобы помочь царю убрать Николая Николаевича с занятого им поста, но и сам не пользовался расположением царя.

Еще тому еще в феврале 1908 г. возникли слухи об отставке Редигера. Они совпали с пребыванием в Петербурге Сухомлинова. И, очевидно, уже тогда возникло у царя предположение заменить им Редигера. Надо полагать, Сухомлинов поставил некоторые условия своего согласия. Они должны были сводиться к тому, чтобы быть полномочным военным министром по всем делам

военного ведомства и государственной обороны. Он знал тяжелый характер вел. кн. Николая Николаевича, предвидел трудности лавировать между ним и царем, неустойчивым в своих решениях,—заранее тяготился необходимостью получать от совета государственной обороны задания и нести ответственность за их исполнение и уже, конечно, совершенно не желал иметь в лице Палицына, близкого к великому князю, соглядатая и критика военного министра.

Таким образом, желания царя и Сухомлинова совпадали, — и вот началось проведение в жизнь задуманной реформы по всем правилам «тайны мадридского двора».

Сухомлинову поручается дать заключение на проект Палицына об общей мобилизации на случай войны с Турцией. Не приходится сомневаться в том, что заключение дано было отрицательное. Впоследствии Сухомлинов жаловался Поливанову, что Палицын сдал ему сырой материал без определенных решений.

Это было в марте. 26-го июля вел. кн. Николай Николаевич был уволен с поста председателя совета государственной обороны. Царь заявил, что, когда возникнет надобность в созыве этого совета, он будет председательствовать в нем сам. Этим предрешалось упразднение совета. В октябре последовало от царя распоряжение начальнику генер. штаба Палицину докладывать в присутствии военного министра. В ноябре Палицын был уволен с своего поста и Сухомлинов назначен начальником генер. штаба. В марте 1909 года он был военным министром. Путь к трону, в качестве единственного докладчика монарху

по всем вопросам военного управления, был расчищен.

Упраздняя других докладчиков царю по военным делам, Сухомлинов обеспечивал себе единоличное влияние в них на него. Это было ему нужно не только для того, чтобы дольше сохранить занятое положение, но и для более удобного и легкого устройства своих личных дел.

Как было уже выше сказано, бракоразводное дело супругов Бутовичей шло далеко не гладко. Из показаний судебного следователя Зайцева видно, к каким приемам приходилось прибегать, чтобы привести его к желанному Сухомлиновым концу. Когда по жалобе Бутовича возникло дело по обвинению жены двоюродного брата г-жи Бутович, некоей Гошкевич, сыгравшей при разводе решающую роль, в лжесвидетельстве, Зайцев долго добивался, чтобы консистория доставила ему подлинное производство бракоразводного дела. Получив его, он обнаружил в нем вырванные неизвестно кем листы. Нужно было Зайцеву произвести поверку нескольких составленных в Париже актов этого дела, казавшихся ему подложными,— и он тщетно просил об этом министра юстиции... Его просьба бы положена под сукно. Пропали в этом министерстве и два письма Гошкевич к Бутовичу, приложенные последним к своей жалобе. Пре ал Зайцев судебным властям в Киеве произ выемку писем Сухомлинова к некоей Черны й,— следователя вызвали к прокурору петерб ого окружного суда, попеняли ему за излиш интерес к письмам военного министра и пр кили вести следствие, не затрагивая личн Сухомлинова. А в этих пись-

м х выражалась Сухомлиновым решимость добиться для г-жи Бутович развода с мужем, хотя бы ценою жизни последнего. Когда же, наконец, Зайцев заболел, дело о лжесвидетельстве Гошкевич перешло в другие руки — и было прекращено.

Всего этого можно было добиваться, только опираясь на личное к себе расположение монарха. Только при наличии его различные органы власти могли безбоязненно решиться на беззаконные услуги Сухомлинову.

VI.

Сухомлинов — военный министр. Первые шаги.

11-го марта 1909 года Сухомлинов вступил в управление военным министерством.

12-го августа того же года был упразднен совет государственной обороны. Это создало враждебные отношения между Сухомлиновым и вел. кн. Николаем Николаевичем.

7-го декабря положен был конец независимости от военного министра генерального штаба. Начальник последнего лишен был права личного доклада государю. Лишены были этого права и генерал-инспекторы пехоты, артиллерии, кавалерии и инженерных войск. Было установлено, что единственным докладчиком монарху по всем делам военного ведомства является военный министр.

15-го декабря того же года был упразднен Комитет по устройству и образованию войск, долженствовавший учесть опыт русско-японской войны и провести выводы из него в жизнь нашей армии.

Справедливо писал впоследствии биограф Сухомлинова Думбадзе, с которым мы потом познакомимся ближе, что «у Владимира Александровича слова не расходятся с делом. Все идеи, которые проводились им как писателем, осуществляются им как военным министром». Какие «идеи» нашел Думбадзе в брошюрках Сухомлинова, нам неизвестно. Но действительно верно: Остап Бондаренко, призванный с хутора управлять министерством, оставался верен себе как заклятый враг «профессоров», учености, новшеств,— и сейчас же пресек «образование».

22-го декабря та же участь постигла главный крепостной комитет, ведавший вопросами устройства, вооружения и снабжения крепостей.

А в 1910 году упразднены были и крепости на нашей западной границе, и крепостные пехотные части вообще. Принимая эту героическую, «героссоттову» меру, Сухомлинов исходил из различия скоростей мобилизации нашей армии и армий наших вероятных противников. Он решил отодвинуть зону сосредоточения наших армий на линию Немана, под защиту крепостей второй линии — Ковна и Гродна, подальше от противника, чтобы, сосредоточившись здесь, перейти в наступление и выбивать врага из занятых позиций.

Открывая противнику без боя свободный путь в пределы Польши и Юго-Западного края, Сухомлинов упускал из виду, что, заняв их, враг не останется пассивным, не удовольствуется столь легким успехом, а будет всё же стремиться к тому, чтобы помешать сосредоточению наших армий и на новой линии. Расстояние же до последней столь невелико, что, при современных

средствах техники, не обеспечивало нам потребного для спокойного сосредоточения времени. События мировой войны и в другом отношении не оправдали расчетов Сухомлинова. Они заставили нас наступать ранее, чем мы хотели и были к тому готовы. И нашим войскам пришлось драться на развалинах фортов Варшавы, нами же самими взорванных, оборонять заброшенный Ивангород.

Каковы бы ни были pro и contra в отношении этой сухомлиновской идеи, она была такого свойства, что надо было сперва семь раз примерять, прежде чем отрезать.

Ведь пока существовал совет государственной обороны, ему прежде всего надлежало обсудить этот вопрос; — был министр иностранных дел, не выслушать мнение которого нельзя было при наличии политического союза и военной конвенции, связывавших Россию с Францией. Сухомлинов не пожелал ни с кем считаться. В качестве начальника ген. штаба, он ограничился тем, что в конце февраля 1909 года уведомил письмом начальника главн. инженерного управления ген. Вернандера, «о состоявшемся решении упразднить 9 крепостей, в том числе Ломжу, Згерж, Новогеоргиевск, Варшаву и Иван-город. Легко представить себе изумление ген. Вернандера. Изумлены были и военный министр ген. Редигер и помощник его — Поливанов; изумлен был совет министров, сенаторы, пришедшие в волнение. Когда Сухомлинову указали на поспешность этого решения, он заявил, что сохранение крепостей в том виде, в каком они находятся, — «измена»[1]).

[1]) А. А. Поливанов. Мемуары, изд. В. В. Р. С., М. 1924 г. стр. 62.

Однако другие считали «изменой» упразднение ... постей. Вернандер и Поливанов, оба доста- ...но знакомые с состоянием крепостей, находили, ... они не лишены возможности сопротивляться,— ... в отношении Ивангорода и Осовца мировая ...на подтвердила их мнение [1]). Командующий ...сками Варшавского военн. округа ген. Скалон, ...лучив от Сухомлинова извещение об упразднении ...постей, тотчас же послал ему возражение, а, ...дставляясь царю, доложил ему, что, как вар- ...вский генерал-губернатор, не может согласиться ... эту меру. В том же смысле высказался на- ...льник инженеров Варшавского округа [2]).

Сухомлинову удалось убедить в полезности ...й меры лишь Николая II да знаменитого ста- ...ту Исаакиевского собора, дельца и издателя на ...ленные деньги патриотических листков, ген. Е. В. ...дановича, которым он внушил, что он везде ... сам, всё видел и все с ним согласны [3]).

Встретив возражения, Сухомлинов придал делу ...ный характер, утверждая, что на почве этого ...роса против него ведут кампанию, стал лице- ...рить, и когда ген. Махович, начальник инжене- ... Варшавского округа, высказался против ...здания крепостей, он протянул ему обе руки ...казал, что «очень рад это слышать» [4]). При- ...сь передать вопрос на рассмотрение особой ...иссии под председательством ген. Мышлаев- ...го. Когда же в ней решение Сухомлинова

---

[1]) Там же, стр. 62. Поливанов незадолго перед этим был управляющим делами Главн. крепостн. комитета.
[2]) Поливанов. Мемуары, стр. 71-73.
[3]) Там же, стр. 70.
[4]) А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 73.

встретило горячие и резкие возражения, и комиссия предположила укрепления Варшавы на правом берегу Вислы упразднить, а на левом сохранить, Ивангород, Осовец, Новогеоргиевск и Брест-Литовск усилить, — комиссия была распущена. Военный совет, на обсуждение которого передан был план Сухомлинова и в котором он председательствовал, — также горячо возражал против него, но был приведен Сухомлиновым к молчанию заявлением, что предлагаемая мера уже одобрена монархом. Если это было так на самом деле, то очевидно, что, передавая вопрос на обсуждение комиссии ген. Мышлаевского и Военного Совета, Сухомлинов желал лишь переложить на них свою ответственность.

Оставалось преодолеть возражения со стороны союзного французского генер. штаба, который видел в уничтожении наших западных крепостей нарушение выработанного сообща плана военных действий союзных армий — Франции и России. Для преодоления их и успокоения взволнованного французского общественного мнения Сухомлинов командировал во Францию известного авантюриста кн. М. М. Андроникова и публициста С. Ф. Шарапова. С личностью Андроникова и его отношением к Сухомлинову мы познакомимся в следующей главе, а что касается Шарапова, то это был талантливый сам по себе человек, но с убеждениями, подчиненными материальным выгодам. И вот эти-то два лица должны были через французскую печать убедить французов в разумности принятой Россией меры. Понятно, что они никого не убедили. Статья Шарапова в газете «L'Opinion» — «Новый русский стратегический план»

... г. № 7) подлила лишь масла в огонь, и французская печать еще пуще забыла тревогу.

Когда Шарапов вернулся из Франции и подавал о роли крепостей в будущей войне с авторитетом в крепостных вопросах, профессором генералом К. И. Величко, он сам должен был признать: — «Какого дурака я ломал!».

Однако Сухомлинову всё же пришлось в конце концов сделать уступку Франции и приостановить разрушение наших крепостей. Но варшавские форты были уже взорваны, а то, что уцелело, было брошено на произвол судьбы, не совершенствуясь, не получая усиления своего вооружения, запасов, гарнизона и запасов. И лишь когда началась мировая война и с самого начала выяснилась необходимость использовать старые крепости, стали наскоро, как попало и чем попало, вооружать и укреплять и усиливать их гарнизоны полевыми частями, вместо специальных крепостных полков.

В этом же вопросе сказалось и отношение Сухомлинова к Государственной Думе. Он совершенно игнорировал высказанное ею, при рассмотрении сметы военного министерства на 1909 год, пожелание: — о скорейшей разработке вопросов относительно вооружения наших крепостей. Он взял обратно из Думы все законопроекты, внесенные еще его предшественником, — и возвратил их «в совершенно непригодном виде», как свидетельствовал впоследствии бывший председатель Госуд. Думы и комиссии при ней по обороне, А. И. Гучков.

Таковы были первые шаги Сухомлинова на посту военного министра. Прежде чем говорить

о последующих, надо познакомиться с окружавшими министра лицами.

VII.

Окружение военного министерства.

Еще должность генерал-губернатора привела Сухомлинова в соприкосновение с промышленными и коммерческими кругами Киева, Волыни и Подолии, — и мы видим его уже там окруженного не военными людьми, а толпою дельцов и спекулянтов.

Бродский, Фурман, Фишман, Фельдзер, Марголин, Альтшиллер, — вот кто считался в Киеве друзьями Сухомлинова. Одни из них устраивали себе, с помощью его влияния, выгодные поставки и заказы по военному ведомству, другие, кажется, шли дальше в пользовании близостью своей к командующему войсками. Так, некий Фурман, выдававший себя в Киеве за болгарского консула, по данным контр-разведки был австро-германским шпионом. Подозрителен был ей и Альтшиллер, считавшийся «своим человеком» в доме Сухомлинова. С ним Сухомлинов вместе ездил за границу и чувствовал себя в его обществе столь хорошо, что «время идет незаметно». В присутствии Альтшиллера просили не стесняться в разговорах, хотя бы речь касалась и военных тем, — «он ведь свой человек, — при нем всё можно»... Альтшиллеру открыт был полный доступ в кабинет Сухомлинова, — и в Киеве и в Петербурге, — и он мог на свободе рыться в его

магах... На бланках конторы Альтшиллера
исал Сухомлинов черновики своих бумаг по
акоразводному делу... Альтшиллер присутство-
л при опытах сношения Сухомлинова по бес-
оволочному телеграфу... Альтшиллер, как тень,
юду следовал за Сухомлиновым, и, когда по-
едний переехал в Петербург, Альтшиллер по-
ледовал туда же за своим другом. Здесь, в Пе-
рбурге, их близость стала еще более тесною.

Покойный ныне В. А. Березовский [1]) на след-
вии по делу Сухомлинова рассказывал, что он
нажды позвонил по телефону в кабинет воен-
го министра и попросил пригласить к аппарату
ухомлинова. — «Я у телефона...» Березовский
нал по голосу Альтшиллера и повесил трубку.

Кто же этот alter ego Сухомлинова?

Австрийский подданный, Альтшиллер, в конце
-х годов прошлого столетия приехал в Киев и
ялся мелкими подрядами и комиссионерством.
жив большое состояние, он повел широкий образ
изни и втерся в киевское общество. Хорошей
утацией он, однако, в Киеве не пользовался.
стые отлучки в Вену и в Берлин, близость
встро-венгерским консулом и орден Франца-
сифа, полученный Альтшиллером неизвестно
какие заслуги пред Австро-Венгерской монар-
ей, дали основание контр-разведке взять его под
блюдение, как вероятного шпиона. Разоблаче-
о его как такового мешала, однако, дружба
Сухомлиновым.

Дружба последнего с Альтшиллером вызывала
щее недоумение. Прокурор Киевской судебной

[1]) Известный военный писатель и генерал крупного военно-
жного склада, умер в 1917 г.

палаты Кукуранов говорил, что он не понимает, как могло случиться, что Альтшиллер принят в доме командующего войсками округа, в распоряжении которого должны иметься компрометирующие Альтшиллера агентурные сведения. Впоследствии, о подозрениях, падавших на Альтшиллера, как на шпиона, Сухомлинову указывали бывший министр внутренн. дел Макаров, бывший морской министр Григорович и долго веривший в Сухомлинова и расположенный к нему В. А. Березовский. Но никто и ничто не могло поколебать дружбы Сухомлинова к Альтшиллеру. А казалось бы не по пути было итти в жизни командующему войсками пограничного с Австрией округа и потом военному министру с австрийским подданным, подозреваемым в шпионстве.

Переехав в Петербург, Альтшиллер открыл здесь фиктивную контору «Южно-русского машиностроительного завода»—фиктивную потому, что денежных операций в ней не производилось, кассовые книги не велись, посетителей по делам завода не бывало, зато контору посещали какие-то сомнительные личности, имелась в ней почтовая бумага «высокого качества», с австрийским государственным гербом, а в деловом кабинете Альтшиллера на письменном столе стоял портрет военного министра Сухомлинова с дружескою надписью.

Оставляя в стороне вопрос о шпионской деятельности Альтшиллера, истерия с заказом пушки системы Шнейдера для нашей конной артиллерии проливает свет на характер отношений его к Сухомлинову.

В 1912 году артиллерийским ведомством признано было желательным ввести в нашей кон-

...й артиллерии эту пушку; с ноября того же ...да ее можно было уже заказать Путиловскому ...воду. Но в течение всего 1913 года заказ на ... пушку не был дан, ибо «интимный друг» ...ного министра желал провести заказ на кон... пушку другой системы, — с лафетом Депора. ...угоду «другу» Сухомлинов в августе 1913 года ...казал испытать систему Депора. Ее забрако... Но Сухомлинов не согласился с мнением ...циалистов — и настаивал на предпочтении Де... Шнейдеру. Пришлось снова доказывать воен... министру негодность навязываемой им армии ...ки. Сухомлинов вынужден был, наконец, дать ...ласие на заказ пушек системы Шнейдера. Арт... леру не удалось «заработать» на Депоре, как ... сам выражался, рекомендуя негодную пушку ... России. Из отчета генерал-инспектора артил... рии Николай II узнал о волоките с заказом ...ки Шнейдера и на полях отчета написал: ...кая польза от медлительности?». Лишь в де... ре 1913 г. Сухомлинов представил объяснение ...ю. «Верноподданный» министр не постеснялся ...нуть монарха. Он объяснил задержку пере... рами с Путиловским заводом, якобы назна... им слишком высокие цены. Между тем еще ...ае 1913 г. цена, заявленная заводом, признана ...ла глав. арт. управлением приемлемою.

Другой факт не менее характерен. В 1911 году ...ят был вопрос о проведении железнодорож... пути от Жлобина до румынской границы. До... а должна была иметь важное стратегическое зна... ие, соединяя прямым путем Петербург — Кон... тинополь. По настоянию военного ведомства, ...оводимого Сухомлиновым, за спиной которого

стоял Альтшиллер, направление пути было так изменено, что почти на всем своем протяжении он должен был пролегать по землям графа Потоцкого, члена австрийского рейхстага. Помимо того, что огромная сумма денег должна была пойти за отчуждение земли в карман австрийца, этим изменением чрезвычайно облегчалась осведомленность Австрии через посредство Потоцкого о всем, касавшемся дороги. Чтобы противодействовать такому направлению ее, Волынское земство послало в Петербург «ходока», гласного Добрынина. Последний прежде всего явился, конечно, к Сухомлинову, но был принят им «враждебно». Зная отношения Альтшиллера к Сухомлинову, Добрынин отправился к «другу военного министра», дабы через него воздействовать на Сухомлинова. Каково же было изумление волынского «ходока», когда из разговора с Альтшиллером он понял, что последний знает уже все подробности его визита к Сухомлинову. Не было сомнения, что Альтшиллер и внушил военному министру мысль об изменении направления стратегической железной дороги, на котором Альтшиллер также, вероятно, что-то «зарабатывал».

В 1913 г. Альтшиллер неожиданно стал ликвидировать свои дела в России и в марте 1914 г. уехал за границу, оставив в Петербурге двух своих сыновей, за которых Сухомлинов потом, когда началась война, усиленно хлопотал с невысылке их в отдаленные губернии.

Другой друг Сухомлинова — Мясоедов — имел не менее сомнительное прошлое. Он служил в жандармах и свыше 13 лет провел на пограничной с Германией станции Вержболово, где был

сперва помощником начальника, а потом и начальником Вержболовского жандармского полицейского управления. Занимая эти должности, он большую часть времени проводил за пограничною чертою, состоял в отличных отношениях с германскими властями и был лично известен императору Вильгельму. Еще в 1905 г. Мясоедов донес своему начальнику, что германский император пригласил его на богослужение и обед в своем имении «Роминтен», а за обедом выразил «радость снова его видеть» и поднял бокал за его, Мясоедова, здоровье, «чего император по отношению к остальным присутствовавшим за столом не сделал».

Местные жители подозревали Мясоедова в содействии ввозу в Россию контрабанды, и эти подозрения в 1907 году получили такое обоснование, что министерства финансов и внутренних дел обратили на Мясоедова внимание варшавского генерал-губернатора Скалона, который и просил заместить Мясоедова в Вержболове «другим лицом, более добросовестно и умело относящимся к своим обязанностям». Решено было перевести его на службу во внутренние губернии, «не ближе меридиана Самары»... Мясоедов счел себя обиженным, покинул службу и вместе с осужденными впоследствии за государственную измену Самуилом и Давидом Фрейдбергами образовал акционерное общество для перевозки грузов и эмигрантов в Гамбург и Америку. Деятельность этого общества, в котором Мясоедов занял место председателя, скоро вызвала подозрение министерства внутренних дел и специальное расследование ее. Произвести его поручено было некоему Фрейнату, оказавше-

муся впоследствии членом одной и той же с Мясоедовым и Фрейдбергами шпионской организации. Этот следователь, конечно, не только не нашел ничего предосудительного в деятельности общества, руководимого Мясоедовым, но полагал, что оно заслуживает даже поощрения. Последнего обществу не оказали, так как в министерство внутренних дел к этому времени, независимо от производившегося расследования, поступили документальные данные о творимых обществом злоупотреблениях, причиняющих государственной казне солидные убытки, — но и не закрыли его.

Мясоедов хотя и вел свободный и широкий образ жизни, но был неудовлетворен своим социальным положением. Оно лишало его возможности быть в курсе таких сведений, которые ему нужны были... Он искал случая вернуться на военную службу. В 1909 году в салоне г-жи В. его представили Сухомлинову, как очень обязательного человека, — с просьбою дать ему «местечко» при себе. Услужливый человек был нужен Сухомлинову, и он изъявил готовность принять Мясоедова на службу. Однако сделать это оказалось и военному министру не так-то просто. Ему был сделан департаментом полиции официальный доклад о прошлом Мясоедова и о падавших на последнего подозрениях в шпионской деятельности. Сухомлинов признал его, однако, для себя неубедительным. Тогда министр внутренних дел Макаров дважды предупредил Сухомлинова об опасности приблизить к себе лицо с темным прошлым и подозрительным настоящим. Но и это не произвело на Сухомлинова отрезвляющего влияния. Чтобы побороть все

противодействия своему намерению, Сухомлинов обратился прямо к государю за разрешением принять Мясоедова на службу и получил таковое.

Мясоедов снова был зачислен в корпус жандармов, но с откомандированием в распоряжение военного министра, и скоро стал своим человеком, в доме Сухомлинова. В отношении последнего он был не только подчиненным, но и добрым, близким знакомым. Они вместе ездили за границу и были там в Карлсбаде, сблизились между собой и их жены, а новый 1911 год Сухомлиновы встречали у Мясоедовых при обстоятельствах, заслуживающих быть отмеченными. Одно из присутствовавших на ужине лиц заподозрило в одном из лакеев «подосланное под видом лакея интеллигентное лицо», а другой из числа гостей Мясоедова обратил при этом внимание, что за ужином хозяин все старался заговаривать с Сухомлиновым на военные темы. Адъютант Сухомлинова, полк. Булацель, получив от Мясоедова приглашение на тот же ужин, отклонил таковое, заявив Е. В. Сухомлиновой, что с людьми, подобными Мясоедову, он не желает вступать в близкие отношения. О том, что Мясоедова подозревают в шпионстве, предупреждали Сухомлиновых и состоявший при министре кап. Коломейцев и расположенный к нему В. А. Березовский. Но Сухомлинов оставался глух ко всем этим предупреждениям. Он поручил Мясоедову непосредственное осведомление его о революционной пропаганде в войсках, хотя для этой цели при главном управлении генер. штаба имелось особое контр-разведывательное отделение. Наладить это дело Мясоедову не удалось, так как ни

департамент полиции, ни главный штаб, ни главное управление генерального штаба не подпустили Мясоедова к своим делам. Мясоедову решительно был воспрещен вход туда, несмотря на настояния Сухомлинова. В то же время Гучков повел в Государственной Думе и в печати кампанию против Мясоедова. Сухомлинову пришлось давать объяснения в думской комиссии по военным и морским делам о роли при нем Мясоедова. Утверждение его, что Мясоедов никаких ответственных обязанностей не нес и поручений не исполнял, никого не убедили, так как было точно известно, что Мясоедов именно с сыскными целями был командирован в Гродну и Вильну. В конце концов Сухомлинов все же вынужден был расстаться с Мясоедовым, когда (в марте 1912 г.) министр внутренн. дел Макаров официальным письмом уведомил его, что Мясоедов, и поступив на службу, не порвал сношений с пароходным обществом по перевозке грузов и эмигрантов, находится в деловых сношениях с Фрейдбергом, а этот последний — с изобличенным в мошенничестве Каценеленбогеном, а Каценеленбоген — с Ленцером, секретным сотрудником германского ген. штаба.

Впрочем, это все не помешало Сухомлинову в 1914 г. заявить, что с его стороны нет препятствий к вступлению Мясоедова в ряды действующей армии, где Мясоедов и закончил свое существование на виселице, как шпион.

Как велико было легкомыслие Сухомлинова в отношении Мясоедова, можно судить по тому, что, желая внушить к нему доверие и со стороны начальника генерального штаба, он послал к последнему с Мясоедовым чрезвычайно важ-

протоколы соглашения с Францией. Сухомлинов утверждал впоследствии, что конверт, содержавший протоколы, был заклеен, а Мясоедов показал, что конверт был «почти заклеен». Если в этом споре прав был Сухомлинов, то следует признать, что способ внушения доверия к Мясоедову был по существу был мало убедителен; если же прав Мясоедов, то при наличии всех сделанных Сухомлинову предостережений его следует признать явно рискованным и преступным. Для шпионов, как и для «черных кабинетов», не существует ведь запечатанных конвертов, которые не расклеивались бы.

Таков был второй близкий к военному министру человек.

Третьим следует поставить известного авантюриста и темного дельца князя Андроникова. Знакомство господина никому не было надобности завязывать с Сухомлиновым. Он сам знакомился с военными министрами, — «как человек, чрезвычайно интересующийся вопросами государственной жизни», — как он сам заявил о себе на суде. О способах, которые он применял для этого, можно судить по следующему факту. Узнав, что военный министр, ген. Редигер, женится, он в день бракосочетания, незванный и непрошенный, явился в дом военного министра, дождался в вестибюле возвращения «молодых» из церкви и поднес новобрачной букет цветов. Редигер так растерялся, что пригласил Андроникова выпить бокал шампанского. С тех пор он стал бывать в доме военного министра. Но так как хозяин был с ним сух, холоден и сдержан, то Андроников явился однажды к помощнику военного министра ген. Поливанову и предложил ему свои услуги

занять пост министра. Его выгнали из кабинета... Андроников писал письма царю, царицам, всем сановникам, обращая их внимание на то, что ему не нравилось, рекомендуя одних на высокие посты, инсинуируя против других. Но особенное пристрастие он имел к военным министрам. Правда, генералы Сахаров и Редигер не подпускали его к себе близко, но Куропаткин был к нему благосклоннее, — и Андроников одно время «собирал материалы по истории управления Куропаткиным военным министерством». Так, по крайней мере, говорил Андроников, обходя главные управления, подведомственные Куропаткину..

Сухомлинову Андроников написал льстивое письмо, а затем явился лично. С тех пор между ними установились столь близкие отношения, что выработан был особый шифр для бесед их между собою по телефону. Когда Сухомлинов ездил в Туркестан и Бухару, то «как-то так случилось», что поездка военного министра «совпала» с поездкой туда же и Андроникова. Последний вернулся из нее с концессией на постройку железной дороги в Мургабской степи. Андроников получил ее при содействии Сухомлинова [1]). Впрочем и Андроников оказывал услуги военному министру. Из дружбы к Сухомлинову он «добился выдачи ему из сумм двора» десяти тысяч рублей «на лечение жены».

В другой раз, вероятно, так же случайно, Андроников очутился в Париже вместе с Шара-

---

[1]) Белецкий в своих воспоминаниях о Распутине («Былое», № 20, стр. 205) г ворит еще о крупной финансовой операции Андроникова по скупке при содействии военн. министра Сухомлинова на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям.

...ым, где они оба, как мы уже знаем, пытались ...окоить французское общественное мнение, ...олнованное упразднением русских крепостей на западной границе.

Дружба Сухомлинова с Андрониковым дли... целых пять лет, с 1909 по 1914 год. Но ...ом их что-то вдруг разъединило, и Андро...ов стал писать «царям» доносы на Сухомли..., указывая в них, что наша армия страдает ...лохого снабжения, что заказы, подряды и ...авки даются военным министерством по про... и за взятки, а Сухомлинов стал принимать ... меры к тому, чтобы Андроникова выслали ... Петербурга.

...лизок был Сухомлинов и с другим дельцом ...литической «темной силой», известным гене... Е. В. Богдановичем,— старостой Исаакиев... собора и издателем на казенные деньги ...отических и религиозных брошюр. В его ... делалась русская внешняя и внутренняя по...ика, раздавались места, субсидии и концессии ... давались добрые советы относительно игры на ...е. Так, данные Богдановичу Сухомлиновым ... р. первый увеличил «неизвестным Сухомли...ову путем» до 200,000 р.

...изким к Сухомлинову лицом стал и Гопкевич, ...водный брат его жены Екатерины Викто...ы. До переезда их в Петербург занимал в ...нистерстве торговли и промышленности скром... место помощника столоначальника и в тяжбе ... Бутовичей держал сторону мужа, испол... различные его поручения. После свидания с ...ной в Петербурге он резко меняет позицию, и ... его является в бракоразводном деле супру-

гов Бутович лицом, свидетельствующим против мужа. Такая перемена фронта не остается без награды. Альтшиллер берет Гошкевича к себе заведывать отделением конторы, и с этих пор материальное положение Гошкевичей быстро улучшается. Как и все «друзья» Сухомлинова, он пользуется своей близостью к военному министру для «афер». Так, он предлагает фирме войсковых пособий Березовского организовать поставку ружей для «потешных», уверяя, что чрез военного министра он устроит их покупку военным ведомством.

Близкий знакомый Гошкевича,—Веллер знакомит его с артиллерийским капитаном Ивановым, который, по отзыву начальства, всегда «проявлял стремление участвовать в комиссиях и совещаниях секретного характера». Через Гошкевича Иванов знакомится с Альтшиллером, а чрез последнего Иванову покровительствует Сухомлинов. Впоследствии все трое —Гошкевич, Веллер и Иванов — осуждены судом за государственную измену.

Тот же Гошкевич чрез Альтшиллера знакомится и сближается с другою подозрительною личностью, Василием Думбадзе, выдававшим себя за племянника известного ялтинского градоначальника.

Думбадзе, оказывается, ярый почитатель Сухомлинова и желает написать биографию военного министра. Сухомлинов польщен и чрез Гошкевича передает своему будущему биографу перечень своих мероприятий по военному ведомству с 1909 г. по март 1914 г. По заключению главн. управления генер. штаба, этот перечень содержал данные секретного характера, которые могли служить

к [illegible]нению отправных положений нашего ве-
р[illegible]ого плана войны.

[illegible]ография Сухомлинова была составлена Дум-
б[illegible] и отпечатана, когда война с Германией была
уже в разгаре.

[illegible]я характеристики этого произведения, не
л[illegible]тупившего в продажу, ограничимся немногими
ц[illegible]тами:

«[illegible]. А. Сухомлинов — один из крупнейших
д[illegible]ей, стоящих на страже мощи России»...

«[illegible]удучи сам талантливым человеком, В. А. Су-
х[illegible]нов в свою очередь любит и ценит все та-
л[illegible]ливое и самобытное»...

«[illegible]ичная обаятельность министра улаживает
с[illegible]ствующие трения»...

«[illegible]его сочинениях, помимо талантливости
п[illegible]ля, везде обнаруживается серьезный, вдум-
чивый специалист»...

«[illegible]. А. отдает дань традициям. Он не
с[illegible]ник нового лишь потому, что оно ново и
с[illegible]енно»...

«[illegible]. А. считает лишь тот только дух воспи-
т[illegible] армии правильным, при котором бой с вра-
г[illegible]вляется делом святым. Условия боя при-
р[illegible]ваются (им) к богослужению» (?!..).

Прославляя «реформы» Сухомлинова, когда
в[illegible] уже обнаружила бездеятельность военного
м[illegible]тра, Думбадзе уверял, что —

«[illegible]ыли приняты меры к тому, чтобы загото-
т[illegible] достаточное количество патронов... Для
у[illegible]ения снаряжения патронов военного времени
б[illegible] созданы новые снаряжательные мастерские,
бл[illegible]даря чему на войне не ощущается недо-
с[illegible]а боевых припасов для пехоты»(!!)...

Думбадзе, однако, оговаривается, что «если часть реформ и не сказалась до настоящего времени в виде осязательных результатов, то это лишь потому, что эти реформы касаются того момента в жизни государства, когда в его пределы вторгается враг, а таковой момент наступил только ныне»...

И вся эта напыщенная галиматья нужна была Думбадзе, чтобы заручиться содействием доверчивого, легкомысленного Сухомлинова в одном своем предприятии: Думбадзе задумал пробраться в Германию и там, прикинувшись врагом России, стремящимся освободить Кавказ от русской власти, выведать у германского правительства созданный последним план организации смуты на Кавказе и на других окраинах России.

Поверив на слово своему биографу и не собрав о личности его справок, Сухомлинов доложил о затее Думбадзе царю и получил его согласие на поездку Думбадзе в Германию. Между тем контр-разведка управления генер. штаба установила «крайне неблагоприятные» отзывы о личности Думбадзе, его беспартийность и неразборчивость в средствах. Начальник генер. штаба ген. Беляев, единственное лицо, посвященное Сухомлиновым в тайну поездки Думбадзе, дважды докладывал военному министру о рискованности поручать такое дело столь ненадежному лицу. Но Сухомлинов не внял этим предостережениям, — и Думбадзе уехал. Пробыл он в Германии (если только был там) меньше месяца и вернулся в Петроград как раз в день отставки Сухомлинова. Из-за границы он привез с собой значительную сумму денег и очень жиденький отчет о своей

порядке. Рассмотренный в особой комиссии офицеров генер. штаба, этот отчет был признан неправдоподобным, а автор его — германским шпионом. Думбадзе был предан суду и осужден им, как государственный изменник [1]).

Наконец, в числе друзей был еще некто Н. Б. Свирский, мебельный фабрикант. Сын его состоял представителем в России французского металлического завода Поля Жиро. По дружбе с отцом его Сухомлинов дал этому заводу заказ на изготовление 12-дюймовых бомб за счет переданы заказа их Обуховскому заводу. Напрасно возражали против этого заказа и главное артиллерийское управление и министерство торговли и промышленности. Заказ не был выполнен, так как троекратное испытание опытных бомб завода Жиро за счет русской казны дало неудовлетворительные результаты.

Есть указания, что Сухомлинов поддерживал хорошие отношения и с Распутиным, считался в числе «распутинцев», но определенных фактов, характеризующих эти отношения, не собрано [2]). Не подлежит, однако, сомнению, что Сухомлинов был не из тех людей, которые пытались бороться

---

[1]) В настоящее время Василий Думбадзе живет в Нью-Йорке и выдает себя за «представителя парижской организации кавказских эмигрантов» и «представителем контр-революционной федерации Кавказской республики». В качестве такового он недавно (сент.-окт. 1924 г.) пытался быть принятым зятем СССР, американским министром иностранных дел Юзом, чтобы заручиться его поддержкой для целых ряда контр-революционных выступлений на Кавказе. Юз в приеме Думбадзе отказал: его репутация авантюриста, видимо стоит прочно и в Америке. («Красная звезда», 5 окт. 1924 г. № 227).

[2]) Об этом говорит в своем дневнике б. французский посол в России Морис Палеолог. Дневник издан в русском переводе Госуд. Изд-вом в 1923 г. под заглавием «Царская Россия в дни мировой войны».

с этой «темной силой», пренебрегали «старцем» и старались открыть на него глаза Николаю II.

Из воспоминаний же С. Белецкого о Распутине, напечатанных в Былом (№ 20), мы знаем, что Распутин, посредством назначения Н. А. Добровольского на пост министра юстиции рассчитывал добиться окончательного погашения дела Сухомлинова (стр. 214), и это одно уже указывает на какую-то связь Сухомлинова с Распутиным, на существование добрых отношений между ними.

Из военных близкими военному министру считались генералы Янушкевич и Секретев. Первый из них был сделан начальником генерального штаба. Очень молодой, приветливый, трудолюбивый, способный, он не был, однако, всей предыдущей своей службой подготовлен к этому ответственному назначению. Но это-то обстоятельство, вероятно, и послужило основой такового. Янушкевич не заслонял на этом посту своей фигурой, своим опытом и авторитетом Сухомлинова и, благодарный за быструю, блестящую карьеру, на которую никак не мог рассчитывать, должен был стать «покорным слугой» военного министра. Сухомлинов, однако, не мог не понимать, что в случае войны Янушкевич coipso становился начальником штаба верховного главнокомандующего, и еще меньше отвечая требованиям этого поста [1]).

---

[1]) Когда ген. Жилинский был назначен командующим войсками Варшавск. военн. округа, освободив пост начальника ген. штаба, редактор «Рус. Старины», ген. П. Н. Воронов поехал к Сухомлинову и сказал ему, что все знающие русское военное дело люди считают, что вместо Жилинского будет назначен ген. М. В. Алексеев. Сухомлинов заявил: — «Алексеев не может быть назначен» — «Почему?» — «Он не знает языков. Ну, как же он поедет во Францию на маневры

[illegible]о касается Секретева, то он пользовался в [illegible]ных кругах репутацией человека сомнительно[illegible]стности. Он начальствовал Автомобильной ро[illegible] и навлек на себя очень сильные подозрения в [illegible] потреблении казенными суммами, отпускав[illegible]ся ему на приобретение автомобилей. Но по[illegible] военным министром оставался Сухомлинов, С[illegible]тев был огражден его расположением от пр[illegible]чения к следствию. Это стало возможным то[illegible] с революцией, но в вихре политических со[illegible]й конца 1917 года он какими-то судьба[illegible]счез и избежал суда.

[illegible]овы были люди, окружавшие военн[illegible] ми[illegible]ра Сухомлинова, не говоря об его жене, мо[illegible]й, тщеславной, легкомысленной женщине, лю[illegible]ей наряды, блеск и удовольствия жизни. Ч[illegible] из них — Мясоедов, Гошкевич, Иван[illegible] и [illegible]бадзе — были заклеймлены судом именем из[illegible]иков отечеству, а пятый — Альтшиллер — по[illegible]з Россию, не рассеяв сложившихся в отноши[illegible] его подозрений. Нет, однако, достаточны[illegible]нований утверждать, что сам Сухомлино[illegible]л сознательным изменником, продававшим Ро[illegible] за деньги, что он имел свою долю барыша в [illegible]ферах, которые его друзья устраивали, по[illegible]сь своею близостью к военному министру. Н[illegible]легкомыслие, неуменье разбираться в людях и [illegible]инность личных дел сгруппировали вокруг не[illegible]йку темных личностей, да и он сам не мо[illegible]е обходиться без их услуг. Чрезвычайно

и [illegible] ует о нем разговаривать с начальником французского ген. [illegible] «Никак не ожидал, — заметил Воронов на то, что нача[illegible] [illegible]ником ген. штаба зависит от языка». («Русск. старина», 1905 г. декабрь.)

развитое самомнение, презрительное отношение к чужому мнению и убеждение в неограниченном расположении монарха, при наличии которого всем можно было пренебречь и всё устроить, — делало его глухим ко всем предостережениям. Он разочаровывался в своих друзьях слишком поздно, когда они, не получив от него ожидаемой выгоды, предавали его... Когда Мясоедов бежал в редакцию «Нового Времени» с разоблачениями о деятельности Сухомлинова, — Андроников писал на него доносы царю и царицам, а Гошкевич и Червинская — выступали на следствии с показаниями, неблагоприятными для Сухомлинова, тогда он называл чету Гошкевичей — «мусором» в своем доме, Червинскую — «грязной бабой», Андроникова — «негодяем», Мясоедова — «шантажистом».

Характерна запись, которую сделал Сухомлинов в своем дневнике, узнав об аресте Мясоедова по обвинению в шпионстве: — «бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне устроить за то, что я его не поддержал».

Это не возмущение предательством армии и отечества, это — злорадство над личным врагом. Ничего другого не нашлось в эту минуту в душе Сухомлинова.

Отношение к нему «друзей» сказалось в тех прозвищах, которые они ему давали в переписке друг с другом. В ней они называли Сухомлинова то «тысячным», то «господином с Мойки»[1]), то «франтом». О последнем своем прозвище Сухо-

[1]) На Мойке находился дом, в котором жили военные министры, начиная с ген. Куропаткина.

мл[illegible]з узнал, и оно, видимо, даже льстило ему, лег[illegible]ысленному, молодившемуся старику, желавш[illegible] еще нравиться, — и он сам подписывался им в [illegible]х письмах к Альтшиллеру.

[illegible]кова была среда и атмосфера, в которой «ж[illegible] и работал военный министр».

VIII.

Бездействие власти.

[illegible] в чем, конечно, легкомыслие Сухомлинова не [illegible]разилось так полно и преступно, как в том, что [illegible]оставляло существо его обязанностей, во имя [illegible]его он был облечен полнотою власти и доверием монарха, — в деле подготовки армии к [illegible]е.

[illegible]счас же по окончании русско-японской войны, выявившей новые условия ведения войны и [illegible], начата была работа в военном министерстве [illegible] устранению всех тех недостатков нашей военной организации, управления армией и ее боев[illegible] подготовки и снабжения, которые обнаружил опыт неудачной войны.

[illegible], еще в 1905 году в главном управлении ген[illegible] штаба начата была выработка нового «Положения о полевом управлении войск». Это — основной организационный военный закон, по которому армия формируется и управляется во время войны. Издано же оно было лишь 16 июля 191[illegible], т.-е. за два дня до начала войны с Германией, т.-е. через 9 лет от начала работы. В течение этого срока Сухомлинов пять с половиною

лет стоял во главе генерального штаба и военного Министерства, — и только наступившая война положила конец его пассивному отношению к этому столь важному делу. «Положение» издали наспех, в том виде, в каком оно было готово к моменту насущной потребности в нем.

В 1910 году введено было в действие новое мобилизационное расписание. Считалось, что оно может действовать только в течение пяти лет, затем в него должны вноситься коррективы, вызываемые изменением в приросте населения, изменении числа уволенных в запас, новыми организациями и т. п. факторами. Но сформирование новых частей [1]), перемещение старых, отодвинутых от западной нашей границы за упразднением крепостей, уже в 1912 году сделали это расписание нежизненным. В конце 1912 года и было приступлено к составлению нового. Политическая обстановка, в виду Балканских войн, требовала спешного выполнения этой работы. Однако Сухомлинов с нею не торопил, — и к началу войны в 1914 г. расписание это не было составлено. Армию пришлось мобилизовать по устаревшему расписанию 1910 года, следствием чего явился сверхкомплект запасных батальонов, для которых не было вооружения.

На основании опыта русско-японской войны по окончании ее были выработаны новые нормы количества снарядов на каждое артиллерийское орудие и постановлено иметь еще особый их запас в 600.000 патронов. Однако ни эти нормы не соблюдались, ни запас не был образован. Не-

[1]) Из 232 резервных и крепостных батальонов были образованы новые корпуса: 24-й, 25-й и 3-й Кавказский.

комплект снарядов в нашей артиллерии рос из года в год. Об этом Сухомлинову неоднократно докладывалось, но он ограничивался бессодержательною резолюцией: «Принять меры к пополнению недостающего» или отсылал доклады эти к своему помощнику. Никаких руководящих указаний к пополнению некомплекта он не давал, никаких мер, чтобы выяснить причину хронического некомплекта, он не принимал. И лишь когда по вопросу о нашей отсталости в артиллерийских средствах, в 1912 году, забила тревогу Государств. Дума, а за нею и печать, — образовано было совещание для пересмотра норм артиллерийского снабжения, и Сухомлинов обратился к министру финансов Коковцову за содействием к ассигнованию сверхсметного кредита. Просьба эта оказалась излишнею, ибо Госуд. Дума сама уже предложила военному министру безотлагательно войти с законопроектом о таковом кредите военному ведомству. Но Госуд. Думу Сухомлинов игнорировал. В апреле 1913 г. Коковцов указал ему, что в дополнительном кредите надобности нет, так как у военного ведомства из года в год остаются неиспользованными кредиты по чрезвычайным сметам. Сухомлинов успокоился — и до октября не принимал никаких мер к увеличению артиллерийских запасов.

Между тем на Балканах шла война. Россия могла быть втянута в нее так же, как это случилось два года спустя. И генеральный штаб счел долгом еще раз доложить военному министру, что безотлагательно нужно принять меры к поднятию боевой готовности армии. Подстегнутый докладом, Сухомлинов снова обратился к Коковцову за деньгами. 2-го ноября ему был открыт

кредит в 10 миллионов рублей, но и он остался неиспользованным. В результате, к началу мировой войны у нашей артиллерии не было не только общего запаса патронов, но и каждое орудие располагало лишь 750 снарядами вместо положенных по норме тысячи.

Артиллерийские снаряды до войны изготовлялись частью на казенных, частью на частных заводах. Но плана распределения заказов между ними не было, и не принималось мер к усилению их производительности в случае войны. Наоборот, казенный Ижевский завод за год до войны был отвлечен от выполнения заказа на снаряды другими работами и поставил на миллион снарядов меньше, чем следовало по наряду, ему данному.

Не был пополнен и некомплект дистанционных трубок к снарядам. В одной только полевой артиллерии не доставало их к началу войны 500.000 штук. Изготовлялись они лишь двумя казенными заводами (Петроградским и Самарским) и одним частным (Барановского). Производительность их не была, однако, в полной мере развита и использована.

Такую же бездеятельность, беззаботность Сухомлинов проявлял и в отношении винтовок и патронов к ним.

Соответственно мобилизационному составу армии выработаны были в 1910 году нормы количества потребных армии винтовок и пулеметов. К 1912 г. эти нормы были уже недостаточны вследствие увеличения числа людей, призываемых в армию в случае войны. Главное управление генерального штаба ежегодно обращало внимание военного министра на недостатки в вооружении армии,

[illegible] оказать воздействие на ведомство артиллерийское. Но и оно никак не могло расшевелить Сухомлинова... И с самого начала войны у нас не хватало для вооружения мобилизованных около 380.000 винтовок, 300 миллионов патронов и около 1660 пулеметов.

Изготовление винтовок производилось до войны на трех казенных оружейных заводах, — Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Их общая производительность должна была давать 3.000 винтовок в день, или 700.000 в год. Но работа этих трех заводов никогда не достигала этой продуктивности. Даваемые им заказы с 1909 года, [illegible] именно со времени вступления Сухомлинова в должность военного министра, не только не увеличивались для покрытия некомплекта, но все время понижались. А фактическое производство никогда было еще меньше величины заказа. В 1912 г. Сестрорецкий завод не изготовил ни одной винтовки из числа заказанных ему шести тысяч. И это обстоятельство не обратило на себя внимания военного министра, Сухомлинова, выражаясь [illegible], «носило в Бухару», но не заносило в Сестрорецк ознакомиться на месте с подведомственным ему заводом.

В 1913 году на расширение и приведение в порядок артиллерийских заводов, в том числе и оружейных, было ассигновано 18 миллионов рублей. Но переустройство их начато было без всякой осторожности в смысле охранения их способности изготовлять потребное число винтовок, — и война застала их в таком развале, что тот же Сестрорецкий завод не приготовил ни одной винтовки в августе и сентябре 1914 года, когда недостаток

ружей в армии чувствовался уже очень остро. К октябрю того же года армии недоставало 870.000 винтовок, а заводы наши, при крайнем напряжении, могли давать лишь в общей сложности по 45.000 в месяц.

Для изготовления пулеметов, вырабатывавшихся на одном лишь Тульском заводе, определенной нормы его производительности и вовсе не существовало[1]).

Выделка патронов производилась с соблюдением совершенно непонятной экономии, ибо Госуд. Дума не только отпускала полностью все необходимые для этого кредиты, но даже разрешала сдавать на них заказы сверх ассигнованных кредитов. Изготовляли их казенные заводы—Петроградский и Луганский—и частный Тульский. Но заказы давались минимальные и стали возрастать лишь с 1912 года. И всё же установленная норма их на случай войны к началу ее не была достигнута.

То же самое следует сказать и в отношении пороха и взрывчатых веществ. Никаких запасов их не было даже установлено. Казенные заводы к 1914 году вырабатывали порох в таком количестве, которое не могло вполне удовлетворить потребность в нем армии даже и при мирном ее положении.

---

[1]) Легкие пулеметы для конницы, вопреки доводам, представленным главным артилл. управлением, были заказаны не Тульскому заводу, который все время совершенствовал их конструкцию, а фирме Виккерс в Англии. Фирма эта выполнила заказ неисправно, опоздав с поставкою его чуть ли не на полтора года, а самые пулеметы, изготовленные ею, оказались непрочными и потребовали исправления.—«Заказ этот был дан Виккерсу,—говорит А. А. Маниковский,—по приказанию бывшего военного министра ген. Сухомлинова. Совет министров, (журнал от 2 ноября 1912 г.) также отнесся к этому

Из этого краткого обзора постановки дела б[illegible]вого снабжения нашей армии в мирное время в[illegible]но, что не только не было сделано ничего для по[illegible]готовки нашей частной промышленности к ра-б[illegible]те на армию в случае войны, но военная и казен-н[illegible] промышленность не получила должного раз-в[illegible]тия. Окруженный шайкою темных дельцов, во[illegible]нный министр Сухомлинов действовал без в[illegible]кого плана и с легким сердцем отнимал заказы у отечественной промышленности ради иностран-н[illegible], когда в последней были так или иначе за-и[illegible]тересованы его «друзья».

В заключение — скажем несколько слов о стр[illegible]тегической военной игре, происходившей в Киеве с 20-го по 24 апреля 1914 г. под руко-водством военного министра Сухомлинова. В основ[illegible]е ее были положены наши действительные пр[illegible]положения на случай войны с Австро-Герма-н[illegible], наличная политическая обстановка, уже б[illegible]зкая к той, при которой через три месяца началась затем война,—данные о возможных про-тив[illegible]ках наших и участие в игре, за малым исклю-чен[illegible]ем, тех генералов, которые предназначались к з[illegible]нятию должностей командующих фронтами, ар[illegible]ями и начальников соответствующих штабов. Т[illegible] были генералы Жилинский, Орановский,

[illegible] неодобрительно. Словом, не только не был поддержан свой за[illegible] достаточными нарядами, но у него была вырвана та работа, ко[illegible]ю он должен был получить по всем правам. «И это делалось в то вр[illegible],—восклицает Маниковский,—в то напряженное время, когда вер[illegible]ность войны считалась уже значительной. И завод морили на ка[illegible]ах по 60 пулеметах в месяц, вместо того, чтобы дать ему представ[illegible]ся возможность развернуть свою деятельность до возможных пр[illegible]ов». (А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в [illegible]у 1914—1918 г.г. Издание Военно-Историч. Комиссии. Москва, 1930 г., ч. 1-я, стр. 99).

Ренненкампф, Милеант, Иванов, Алексеев, Зальца, Гутор, Плеве, Миллер, Чурин, В. Драгомиров, Рузский и Ломновский. В штабе Сухомлинова, как руководителя игры, были Янушкевич, Ю. Данилов и Шуваев. И ясно было, что, в случае войны, Сухомлинов намечал себе роль верховного главнокомандующего.

Что же дала в результате эта игра?

«Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с ходом и отчетом Киевской игры,— говорит познакомивший нас с нею А. Н. Суворов,— это — отсутствие выводов и поучений». Доклад Сухомлинова о ней от 22 мая 1914 г. содержит лишь одно фактическое изложение событий. «В конце доклада приведено бесцветное заключение». И так как разбора игры руководителем ее, Сухомлиновым, сделано не было, то результаты ее и не сказались в практике войны. Так, киевская игра показала, что установленная норма снарядов недостаточна и надо принять меры к ее увеличению. Один из участников ее, ген. Драгомиров, полагал, что на легкое орудие имелось количество снарядов, едва достаточное для первых серьезных боев, «после чего армейские склады иссякнут». Таково же было его мнение и об обеспечении ружейными патронами... Однако эти замечания не вызвали со стороны военного министра — руководителя игры — никаких мероприятий.

Наконец, игра предпринималась между прочим, и для проверки правильности мобилизационных соображений, утвержденных 25 сентября 1913 г., тогда как вся подготовка к войне велась согласно мобилизационного расписания 1910 года. «Пере-

де ывать всё заново,— говорит А. И. Суворов, — ко ечно, не было возможности (да и времени, *В. Л.*), и, следовательно, нельзя было и исполь-зо ать результатов игры с достаточной полно-той»[1]).

Итак, в деле подготовки армии и ее старших во сковых начальников к войне, как в области сн бжения, так и оперативных соображений, Су-хо линов проявил поверхностность, инертность и не ежность, вытекавшие из его легкомысленной и не ятельной натуры. Ни капли инициативы, энер-ги и творчества не проявил он на посту военного ми истра пред лицом назревавших крупных исто-ри ских событий. Открыв наши границы упразд-не ием крепостей для легкого вторжения против-ни в Россию, делая это, по его словам, в виду ме енности нашей мобилизации, — что сделал Су омлинов для усиления живой силы обороны? Ни го. Война застала армию неподготовленной ни в отношении мобилизации, ни в отношении уп вления ею в поле, ни в отношении снабже-ни боевыми средствами, ни в отношении подбора на ежащих войсковых начальников, ни в отно-ше ии оперативного плана. «Мы отбивали шаг на есте» в то время, как наши будущие против-ни усиленно подвигались вперед, чтобы быть на высоте требований современной войны.

[1]) Военно-Исторический Сборник. Труды комиссии по исследова-ни использованию опыта войны 1914—1918 г.г., вып. I, Москва, 19 . Статья А. Н. Суворова — «Военная игра старших войско-вы начальников в апреле 1914 г.».

IX.

Сухомлинов — Государственная Дума и отзывы о нем политических деятелей.

Сосредоточив в своих руках всю полноту власти по управлению военным ведомством, Сухомлинов не только не стал ближе к делам и нуждам государственной обороны, но стал дальше, чем все его предшественники. Тяготясь многочисленными, сложными и обширными докладами, требовавшими вдумчивости, усидчивости, глубокого знакомства со всеми отраслями военного дела, столь многогранного, — неустанного слежения за прогрессом военной техники, военной мысли и политико-экономической жизни государства, — он «разгрузил» себя от всех этих обязанностей тем, что еще в сентябре 1910 года отклонил от себя все личные доклады начальников, так называемых «довольствующих» управлений военного министерства (артиллерийского, инженерного и интендантского) и все доклады, связанные с бюджетом и заготовками (по Канцелярии военного министерства, по главному штабу, главному управлению генер. штаба и др.). Всё это восходило к нему только чрез его помощника. Таким образом была порвана живая связь, личное общение военного министра с его ближайшими, непосредственными сотрудниками и с законодательными учреждениями. Давать последним объяснения, отстаивать в них военные законопроекты должен был не сам военный министр, а его помощник. Последний не был, од-

облечен такою мощью, чтобы самостоятельно решать текущие вопросы; он должен был всегда считаться со стоящим за его спиною военным министром, очень чувствительным к своему авторитету. Добиться же от него руководящих указаний и определенных взглядов было трудно. По удостоверению ряда лиц Сухомлинов не проявлял никакого интереса к вопросам, связанным с бюджетом, а какая сторона военного устройства не связана с ними?! Он редко посещал бюджетную комиссию Госуд. Думы и ее заседания, делая это вынужденно, а когда являлся — обнаруживал полную неосведомленность в делах своего министерства.

От выступлений в Госуд. Думе Сухомлинов систематически уклонился, возложив это дело на своего помощника, ген. Поливанова, которого потом и обвинял перед Николаем II за установление добрых отношений с нею. Расчет Сухомлинова был ясен. Угодничество Думе влекла за собою неугодность царю, а следовательно быть и непрочность на своем посту; неугодничество Думе делало его мишенью нападок в печати, что также колебало положение. Он предпочел последнее явной немилости царя, и козлом отпущения за отношения между военным министерством и законодательными учреждениями избрал Поливанова, на которого при случае всё и можно было свалить. Но он ошибся в своих расчетах избежать личной ответственности.

Поливанову же он объяснил свой отказ выступить в Думе категорическим запретом государя. Последний, будто бы, сказал ему: — «Что вам с ними считаться,— вы мой министр» [1]).

---

[1]) А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 67.

Если эти слова действительно были сказаны, то они очень ярко характеризуют понимание царем роли своих министров, их положения в отношении Думы и как бы отделяют личность министра от вверенного его управлению министерства.

Порвав, таким образом, с Госуд. Думой, Сухомлинов осторожничал и в отношении Госуд. Совета, избегая выступать и пред ним. Ведь это тоже было учреждение на началах представительства.

8-го июня 1909 г. в Госуд. Совете утверждалась, между прочим, роспись государственных доходов и расходов. В заседание его был командирован Поливанов же.

«А вашему министру не пришло в голову, что сегодня следовало бы быть ему, а не вам», — заметил Поливанову Коковцов [1]).

Не наладил своих отношений Сухомлинов и с советом министров, где он также желал дать почувствовать, что он — «мой министр». В Столыпине он чувствовал сильную властную личность, с которой надо было считаться, в Коковцове — знание своего дела, тонкий ум и острый невоздержанный язык, и только дряхлый Горемыкин был ему по плечу, неопасным для него человеком, с которым у него и установились хорошие отношения. В заседаниях совета министров у него происходили постоянные схватки с Коковцовым на почве малого знакомства военного министра с делами своего ведомства. Допускать же к участию в них Поливанова значило окончательно

[1]) Там же, стр. 74.

свести себя к нулю. И вот Сухомлинов взял иную линию своего поведения. Он являлся в совет министров с полученным им уже заранее согласием царя на ту или иную меру. Это вызывало раздражение остальных членов совета министров, и в заседании 16 ноября 1909 г. Сухомлинову пришлось выслушать от Столыпина резкую отповедь в том смысле, что военному министру нельзя вести особую от совета политику, — что пусть он и морской министр не участвуют тогда в совете, но пусть и не ищут в нем себе поддержки. Поводом к этому инциденту послужило то, что в 1912 г. Сухомлинов, желая получить ассигнование военному ведомству — чрезвычайный кредит в 67 миллионов рублей, поехал в Спалу, где был царь, и испросил у него согласие на это ассигнование на основании 117 ст. Основных Законов. На отповедь Столыпина Сухомлинов пожаловался царю, и председателю совета министров было заявлено недовольным тоном: — «Совет министров не желает разрешить мне распоряжаться вполне свободными деньгами для нужд обороны» [1]). Эта ссора не улучшила, конечно, отношений членов кабинета к Сухомлинову. Из числа их были близки с ним лишь Маклаков и Щегловитов, а из членов Гос. Думы — А. Д. Протопопов, будущий министр внутр. дел [2]).

При следствии и на суде Сухомлинов пытался оправдывать свое бездействие тем, что министр финансов и Госуд. Дума «урезывали» военные кредиты или отказывали в них. Ему доказали,

---

[1]) А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 100.

[2]) Там же, стр. 192, прим., и «Из воспоминаний М. В. Родзянко» («Былое», № 21, стр. 235).

что с 1908 года до начала мировой войны на нужды армии было ассигновано 463.700.000 рублей, а израсходовано военным ведомствам только 140 миллионов.

— Я должен сказать,—говорил на суде Коковцов,—что Сухомлинов был очень мало осведомлен в своем ведомстве. Поэтому он всегда быстро сдавал свои позиции, очень скоро соглашался с возражениями. Подготовки к делу, по которому он выступал в совете министров, у него никогда не было. Не было системы и плана. Разбросанность, экстренность, неожиданность его требований, отсутствие подготовки и разработки вопросов были для него характерными чертами. Частые трения в совете министров вызывались также тенденцией Сухомлинова настаивать на том, что другие министры не имеют права входить в существо вносимых им вопросов обороны, а должны рассматривать лишь кредиты [1]).

Слова Коковцова подтвердил другой министр — торговли и промышленности Тимашев, с которым Сухомлинову также надлежало бы иметь общение по делам государственной обороны. Тимашев заявил суду, что военное ведомство всегда отстраняло его министерство от этих дел. Он ни разу не слыхал от Сухомлинова сетований на нашу промышленность, не содействующую обороне; он всегда настаивал, что вопросы обо-

---

[1]) Характерно для Сухомлинова объяснение, данное им на суде по поводу показания Коковцова.

«Он (Коковцов) всегда очень резко отзывался обо мне, а о военном ведомстве он говорил, что мы сапожники в своем деле. Коковцов, действительно, мог убедить меня во многом, но не потому, что я мало сведущ, а потому, что он человек способный и умеет хорошо убеждать».

...д — прерогативы монарха и военного министра. ...ько после наших военных неудач в августе ... г. Сухомлинов обратился к нему, Тимашеву, ...ьбой созвать совещание заводчиков. На нем он ...вал к их патриотизму, прося о помощи. Не ему ...тили, что он поздно вспомнил о роли отече... промышленности в деле обороны страны.

Даже в дни войны совет министров оставался ... стороне от вопросов обороны, так как в пре... Кокошцова, Горемыкине, Сухомлинов нашел ...держку своей тенденции считать войну делом ...рха и военного министра. Их объединяла ...висть к Госуд. Думе. Они боялись, что, ...знав компетенцию совета министров в рас... вопросов обороны по существу, они ...нут на скользкий путь — признания того же ...за и за Госуд. Думою. В последней уже су... комиссия обороны. Но Сухомлинов ... Горемыкин считали ее самочинной, желали ...ть с ней возможно меньше дела и вынуждены ... лишь «стерпеть» ее, чтобы не осложнить ...з того острых отношений с народным пред... Кроме того, а чрез нее — и всей Госуд. Думы, — Сухомли... нашел резкого критика своей бездеятельности.

По свидетельству А. И. Гучкова способность ...омлинова подслуживаться к монарху всего ярче ...зилась в отношениях военного министра ...Думе. Он всеми способами старался подорвать ...монархе и без того сомнительное его доверие ...Думе, твердя ему:

— Эти штатские люди ничего не понимают ...енных вопросах, а стараются влиять и на воен... управление.

Он неустанно внушал монарху, что Госуд. Дума старается овладеть симпатиями армии и что это представляет опасность для самодержавия. На недоверии Николая II к Думе Сухомлинов строил свое личное благополучие...

— Еще задолго до войны,—говорил на суде председатель Гос. Думы Родзянко,—деятельность ген. Сухомлинова внушала Думе большие опасения. Его медлительностъ в проведении военных реформ, отсутствие всякой заботливости в вопросах снабжения армии не могли не внушать смущения.

Первые же шаги Сухомлинова,—говорил и Гучков,—выразились в том, что почти все законопроекты ген. Редигера были им сняты с очереди или представлены в Гос. Думу в совершенно непригодном виде. Вся работа приняла такой медлительный характер, что стало ясно, что Россия к сроку готова не будет.

— В первый раз,—рассказывал суду Милюков,—я встретился с Сухомлиновым в совещании по поводу так называемой «большой военной программы». У всех у нас от этой встречи осталось самое удручающее впечатление... Военный министр говорил общими местами. Было видно, что он не знал вопроса. Пришлось убедиться, что у Сухомлинова нет ни знаний, ни воли реформировать нашу армию. Мы вышли из совещания под тягостным впечатлением, что эти люди не могут обеспечить России обороны.

Прошло несколько лет в глухой, бесплодной борьбе Госуд. Думы с инертностью военного министра. Тщетно пыталась она мирным путем побудить его к деятельности.

— Мы не были достаточно реальной силой,— говорил на суде член Госуд. Думы Савич, докладчик по военной смете.— Дела обороны были от нас забронированы. Те нормы военных запасов, которые были выработаны, мы оспаривать не могли, а военный министр утверждал, что они вполне достаточны.

Пока помощником военного министра был ген. Поливанов, Гос. Дума, видимо, еще на что-то надеялась. Она ценила в Поливанове большого, неутомимого, честного работника, с обширными знаниями, искренно расположенного к народному представительству и горячо преданного делу возрождения армии. Его авторитет стоял высоко и заслонял бездельника — военного министра не только в глазах Думы, но и всего общества. Сухомлинова это раздражало,—и, когда Гучков повел в печати кампанию против Мясоедова, он обвинил перед царем своего помощника в доставлении Гучкову нужных сведений, в разоблачении Думе военных тайн и в сочувствии к ней. Поливанов был смещен (апрель 1912 г.). Его заменил ген. Вернандер. Дряхлый и совершенный невежда в вопросах государственного масштаба, он был не опасен Сухомлинову, но в сочетании с ним опасен для России.

Увольнение Поливанова было вызовом Госуд. Думе со стороны Сухомлинова. Дума поняла, что более рассчитывать ни на что и ни на кого нельзя,— и ответила на этот вызов речью Гучкова 7 мая 1912 г. В ней Гучков приподнял только край завесы, скрывавшей недочеты нашей обороны,— осветил один лишь уголок военного ведомства, ведомство артиллерийское. Она объеди-

нила в «негодующем протесте» все фракции Думы, признавшей дальнейшую бездеятельность военного министерства опасною для страны. Так как печать усиленно комментировала речь Гучкова, то Сухомлинов потребовал ее обуздания. С тех пор Дума, Поливанов и Гучков делаются для Сухомлинова его заклятыми врагами, о которых он не может спокойно писать и говорить.

Но не одна Госуд. Дума была неудовлетворена деятельностью Сухомлинова. Из показания на суде Коковцова стало известно, что крайне отрицательно относился к ней и премьер-министр Столыпин. Смертельно раненый в 1911 г. в Киеве, он вызвал к себе своего преемника Коковцова и завещал ему доложить государю о необходимости замены Сухомлинова «в виду сумбура в его ведомстве».

— Наша оборона, — сказал он, — в руках человека, неподходящего, ненадежного, неумеющего внушить к себе уважения [1]).

Сам Коковцов, как мы знаем, был того же мнения о Сухомлинове. Когда ген. Жоффр, тогдашний начальник французского генер. штаба, в бытность свою в России, говорил Коковцову о плохом состоянии наших стратегических железных дорог, предлагая услуги французских капиталистов, Коковцев ответил ему:

— В деле нашей обороны есть более печальные стороны. Дело не в деньгах. Они есть. Дело в бесконечной канцелярской волоките.

---

[1]) Тогда же в Киеве и председатель Госуд. Думы Родзянко прямо в лицо сказал Сухомлинову, что считает пребывание его на посту военного министра вредным для России.

Это значило — дело в военном министре.

Ненадежным человеком казался Сухомлинов и графу Витте.

«Он мне представляется человеком способным, но довольно поверхностным и легкомысленным; большой любитель женского пола...» — отозвался о нем Витте в своих мемуарах. — Я не думаю, чтобы Сухомлинов был из тех, которые могли бы поставить нашу армию на высоту, подобающую значению России» [1]).

Бывший ген.-квартирмейстер главн. управления генер. штаба ген. Ю. Н. Данилов, имевший возможность близко наблюдать Сухомлинова охарактеризовал его на суде как человека, «чрезвычайной доверчивости, а подчас даже и чрезвычайного легкомыслия».

Не снискал себе друзей Сухомлинов и в лагере правой печати, о левой же и говорить не приходится. Слишком уже била всем в глаза его безучастность к делу обороны.

«Г. Сухомлинов решительно ничем, кроме собственной карьеры, не интересуется и ничего не делает...» — писал в органе «черной сотни», «Земщине», Глинка-Янчевский.

«Я лично возлагал большие надежды на В. А. Сухомлинова, — должен был признаться в «Новом Времени» Меньшиков, — но пришлось только разочароваться... Однако расплачиваться за преступное неустройство военного ведомства придется не военному министру, а нам, народу русскому, и расплачиваться кровью...»

---

[1]) Гр. Витте. Воспоминания, т. II, изд. 1922 г., стр. 437.

Вот, наконец, в заключение отзыв о Сухомлинове французского посла М. Палеолога:

«Сомнительный человек, этот генерал Сухомлинов... Шестьдесят шесть лет от роду; под башмаком у довольно красивой жены, которая на тридцать два года моложе его; умный, ловкий, хитрый; рабски почтительный пред государем; друг Распутина; окруженный негодяями, которые служат ему посредниками для его интриг и уловок; утративший привычку к работе и сберегающий все свои силы для супружеских утех; имеющий угрюмый вид, всё время подстерегающий взгляд под тяжелыми, собранными в складки веками; я знаю мало людей, которые с первого взгляда внушали большее недоверие» [1]).

Так единодушны были отзывы о личности и деятельности Сухомлинова представителей власти, — его коллег по кабинету, — представителей

---

[1]) Морис Палеолог. — «Царская Россия во время мировой войны». Перевод с французского, с предисловием М. Павловича, Гос. Изд-во. Москва—Петроград. 1923 г., стр. 103.—Нет никаких оснований полагать, как это делает М. Павлович, что эта характеристика Сухомлинова вставлена М. Палеологом в свой дневник позднее, под влиянием раздражения на Сухомлинова, будто бы противодействовавшего преждевременному переходу русских армий в наступление на Восточную Пруссию для спасения французской армии и Парижа, угрожаемого немцами. В дневнике Палеолога не содержится ни малейшего указания на такое противодействие. Читатель увидит далее, что Сухомлинов вовсе не был сторонником осторожных действий в первый период кампании, а наоборот всё время советовал Янушкевичу дать «допинга» нашим генералам, действовавшим, по его мнению, крайне нерешительно. Сухомлинов полагал тогда, что «немецкий волк будет быстро затравлен». Из записей Палеолога в дневнике от 21 авг. 1941 г. видно, что, когда он явился к военн. министру с просьбой ускорить наступление русских войск, Сухомлинов «призывает офицера и немедленно диктует ему под мою (Палеолога) собственную диктовку телеграмму вел. князю Николаю Николаевичу». (стр. 116).—Наконец, характеристика Сухомлинова под пером Палеолога совершенно согласуется с отзывами о нем других лиц,—и чем бы она ни была продиктована, она, надо признать, верна.

народа, его сотрудников, печати, иностранных дипломатов. Но «рабская почтительность» пред императором позволила ему удержаться на своем посту до годины величайших испытаний и страданий России,—Мировой войны. Без нее он не сгорел бы, пожалуй, тем «историческим человеком», каким является сейчас, а сошел бы с своего поста в Государств. Совет, а оттуда — в могилу с забвением, которое покрыло имена многих наших, так называемых «государственных деятелей». Теперь же его имя спасено от забвения той «геростратовой славой», которую история дает роковым для своей страны людям.

X.

Сухомлинов — и война.

Рассказывают, что после падения Второй Империи во Франции в 1870 г., в кабинетах бывшего императора Наполеона III и его военного министра, ген. Лебефа, нашли нераспечатанными донесения французского военного агента в Берлине, полковника Стоффеля, в которых он подробно доносил о всех приготовлениях Пруссии к войне и о неизбежной ее близости.

То же отношение к надвигавшейся грозе характеризует и бывшего царя, и его военного министра Сухомлинова. Недостатка в предупреждениях о ней не было. Наши бывшие военные агенты в Берлине, Михельсон и Базаров [1]), по-

[1]) Полк. Михельсон был нашим воен. агентом в Берлине с 1906 по 1911-й год, полк. Базаров—с 1911 по 1914 г.

дробно доносили военному министерству о приготовлениях Германии к войне.

— Вы не приуменьшали их значения? — спросил председатель ген. Михельсона на суде по делу Сухомлинова.

— Нет, — отвечал он твердо. — Всё, что показала война в смысле техники и боевой подготовки Германии, было известно министерству. Было известно о том, когда Германия предполагала объявить России войну. В 1908 году было предположено начать войну с нами в 1909 г. В 1910 году Германия назначила сроком войны 1913 год.

Полк. Михельсон задолго до войны предупреждал военного министра, что нельзя рассчитывать на Германию в смысле получения материалов, необходимых для военных целей, — что необходимо освободить нашу промышленность от германской зависимости, подготовить ее к работе на войну, провести Мурманскую жел. дорогу и т. д.

Полк. Базаров подтвердил, что в самое ближайшее время пред войною он доносил о том, что мы накануне столкновения с Германией.

Все эти донесения, может быть, и распечатывались и прочитывались, но не имели никаких последствий и подшивались к делу.

Между тем политическая обстановка с самого начала 1914 года становилась всё тревожнее. Нажим Австрии на Сербию всё усиливался, и все понимали, что за спиною первой стоит Германия.

И вот 27-го февраля в «Биржевых Ведомостях» появилась вдруг статья.

«Россия хочет мира, но готова к войне».

В ней «с гордостью» заявлялось, что «для России прошли времена угроз извне», и ей «не страшны никакие окрики, — Россия готова!...» «Идея обороны отложена», и в возможной войне «русская армия будет активной»; взамен упраздненных крепостей мы имеем «оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением»; — «оставшиеся крепости есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела»; — «в будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов. Артиллерия снабжена и большим комплектом, и обеспечена правильно организованным подвозом снарядов»; — «военно-автомобильная часть поставлена в России весьма высоко»; — «кто же не знает о великолепных результатах аппаратов Сикорского, этих воздушных дредноутов русской армии?»... Словом, — «русская армия явится, если бы обстоятельства к тому привели, не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала новая техника военного дела».

Статья эта произвела сенсацию своим содержанием, своим тоном, тем более, что редакция газеты сообщала, что сведения, в ней содержащиеся, получены «из безупречного источника».

Скоро стало известно, что этот «источник» — сам военный министр Сухомлинов.

— Не о двух же он головах, — думал российский обыватель, читая эту «гордую» статью.

— Была ли хоть одна голова на плечах Сухомлинова! — недоумевал он потом, когда война началась и наша «готовность» обнаружилась на деле.

Мы все знаем теперь, что это была голова Хлестакова — «с легкостью в мыслях необыкновенною»...

История этой статьи характерна для Сухомлинова и в другом отношении, — в склонности его иметь дело всегда с темными личностями. Не считая возможным непосредственно сообщить газете содержащиеся в статье сведения и подписывать ее своим именем, он обратился к услугам некоего Ржевского, с именем которого потом связалась история покушения на Распутина, задуманного бывшим министром внутр. дел Хвостовым. Мелкий провинциальный жулик, шантажист, авантюрист и репортер уличных газеток, Ржевский когда-то угодил Хвостову, бывшему нижегородским губернатором, — и теперь состоял при нем чиновником особых поручений. Ему-то и продиктовал свою статью военный министр. Более достойного лица для этой буффонады он, конечно, не нашел и не мог найти.

Прошло четыре месяца, и настали памятные дни июля 1914 года.

11-го июля Австрия предъявила свой знаменитый ультиматум Сербии. Последняя обратилась к России за заступничеством. В ожидании его Германия начала свою мобилизацию. Мы ответили частичной мобилизацией войск 4-х военных округов.

Ночь с 16-го на 17-е июля была роковою для России. Был в течение ее момент, когда призрак войны, казалось, исчезал. Естественная тревога за темное будущее и сомнение в исходе событий, направленных своей же собственной рукой к войне, овладела императором Вильгель-

Поздно вечером он протелеграфировал Николаю II, что Германия не выступит против России, если она отменит начатую ею мобилизацию. Он заверял царя в этом своим честным словом[1]).

Был ли это момент душевной слабости или политическая хитрость? Кто может теперь на это ответить? Во всяком случае не Сухомлинову было под силу тогда это решать. Но его легкомыслие, его тщеславие, а возможно и честолюбивые расчеты, достигли апогея.

Вот как сам он говорит о последующих событиях ночи в своем дневнике, рисуясь героем, которому отечество будет потом благодарно за твердость характера, за решимость ослушаться даже государя, чтобы открыть ему путь к победе и славе.

«В 12 ч. государь передал по телефону остановить мобилизацию, — получил от германского императора успокоительную телеграмму. Я доложил его величеству, что остановить равносильно отмене, что затем по технике самого дела теряет нам все карты, и если бы понадобилась потом опять мобилизация, то потребуется на это месяц или два. Для проверки моего доклада просил его величество спросить лично по телефону ген. Янушкевича, начальника ген. штаба. Через полчаса Янушкевич телефонировал о повелении остановить и просил моих указаний. Я передал — до утра ничего не делать».

17-го июля Сухомлинов записывает в свой дневник:

---

[1]) Показание на суде ген. Янушкевича, — со слов государя.

«Мобилизация остановлена не была. Получена депеша о германской мобилизации в 1 ч. дня от посла нашего в Берлине. Объявлена наша полная мобилизация».

Эту версию о продолжении мобилизации 4-х военных округов, вопреки повелению монарха, дважды выраженному им в ночь на 17-е июля, — и начальнику ген. штаба и ему, военному министру, — Сухомлинов поддерживал и на суде.

Таким образом в эту ночь Сухомлинову в последний раз давалась возможность искренно и честно спросить себя, — готова ли к войне Россия. Судьба предоставляла ему для этого полчаса времени при самой благоприятной обстановке. Под предлогом исполнения высочайшей воли, которою наши бывшие министры так часто и облыжно прикрывались, Сухомлинов мог отказаться от своего хвастливого февральского заявления. Было очевидно, что объяснения начальника ген. штаба о невозможности остановить мобилизацию царя не убедили. И вот в этот-то серьезный и ответственный момент Сухомлинов проявляет инициативу в решении вопроса, быть или не быть войне.

Позёр и фантазёр, он захотел разыграть из себя нашего Мольтке — «организатора побед». Известно, что Мольтке находился в своем имении, когда в Берлине окончательно была решена война с Францией в 1870 г. Посланный прусским королем к Мольтке офицер прибыл ночью. Мольтке спал. Его разбудили и сообщили, что война решена.

— Хорошо, возьмите вон оттуда с полки третий портфель слева... — сказал Мольтке офицеру, вернулся в спальню и заснул...

В портфеле был детально разработанный план [illegible]. Руководимый Мольтке германский ген. [illegible] б действовал как совершенный механизм, — [illegible] этому он мог проспать спокойно до утра.

Не то было у нас, и Сухомлинов был полным [illegible]иподом Мольтке.

Один — великий болтун, другой — «великий молчальник».

Есть основание думать, что решимость Сухомлинова на войну диктовалась ему честолюбивым [illegible]етом занять в ней пост верховного главнокомандующего, чего легко было добиться при [illegible]чии благоволения к себе монарха и при [illegible]гренно враждебном и подозрительном отношении последнего к вел. князю Николаю Николаевичу.

Правда, Сухомлинов категорически это отрицает. В его дневнике записано:

«19 июля... В Петергофе при докладе государь сказал мне, что предполагает меня назначить [illegible]. главнокомандующим. Я доложил, что [illegible]тлив был бы получить такое назначение, — [illegible] тогда в. кн. Ник. Ник. попадет под мое [illegible]льство, а это окончится для меня скверно, — [illegible]авное пострадает дело. Вел. князь всегда [illegible]ствовал против меня и, оставаясь в резиденции государя, употребит все силы к интригам, [illegible]ивостоять которым у меня не будет сил. На [illegible]ику произведет неблагоприятное впечатление [illegible]ало кампании по примеру японской, военный [illegible]истр сам напросился, как тогда Куропаткин».

Можно ли однако доверять искренности Сухомлинова? Вся деятельность этого человека не [illegible] к тому возможности. Можно ли предпо-

ложить со стороны Сухомлинова неосторожность и опасную бестактность, — сказать царю, хотя бы в намеке, что великий князь будет интриговать и его интриги окажут влияние на него, царя? Трудно допустимо. Сухомлинов хорошо знал психологию Николая II, его представление о себе, как самодержце, не поддающемся влиянию других, всё решающем и всё оценивающем самостоятельно, вне зависимости от других. И намек, что именно несимпатичный и подозрительный ему великий князь может в чем-то повлиять на него, должен был скорее раздражить царя и послужить ему психологическим аргументом к тому, чтобы Сухомлинов принял предлагаемый ему пост. Тем более, что царь с самого начала прочил самого себя в верховные главнокомандующие и отказался от этого намерения лишь временно. Сменить же собою Сухомлинова ему во всех отношениях было легче и удобнее, чем Николая Николаевича. Все эти соображения не позволяют нам с доверием отнестись к рассказу Сухомлинова.

В дневнике французского посла М. Палеолога, который многое мог знать, как представитель союзной державы, определенно говорится, что Сухомлинов уже давно добивался высокого поста главнокомандующего и был взбешен тем, что ему предпочли вел. князя Николая Николаевича. — «И к несчастью, это человек, который будет за себя мстить», — замечает Палеолог. В другом месте дневника он также говорит, что Сухомлинов «наверняка рассчитывал получить эту должность»[1]).

[1]) Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Перев. с франц. Гос. Изд-во. 1923 г. стр. 75 и 245.

Наиболее веским и объективным показанием стремления Сухомлинова в будущей войне играть роль верховного главнокомандующего служит тот факт, что в Киевской военной игре старших войсковых начальников в апреле 1914 г., о которой выше я уже упоминал, он, а не великий князь, был все руководителем. Значит, не его, а себя предназначал Сухомлинов для руководства операциями в случае войны. Эту мысль должны были внушить царю следующие строки всеподданейшего доклада военного министра о состоявшейся игре:

«Независимо того, лица, принимавшие участие в военной игре, большинство коих предназначается в военное время для занятия высших должностей по управлению армиями, имели полную возможность ознакомиться в целом с условиями развертывания армий на западном фронте, что естественно должно способствовать установлению взаимного понимания и единства во взглядах, проводимых подготовительными к войне работами» [1]).

Такой вывод из игры естественно выдвигал руководителя ее на пост будущего верховного главнокомандующего. И мы не имеем оснований верить в искренность отказа Сухомлинова от этого поста во имя пользы дела.

---

[1]) «Воен. Историч. Сборник», Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. Вып. 1-й. А. Н. Суворов. «Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 г., стр. 20.

XI.

Война и Сухомлинов.

Война началась. Как же представлял ее себе тот, кто едва не стал одним из главных действующих на ее арене лиц? Как реагировал на ее события и потребности тот, кто остался на посту военного министра в роли организатора побед? Ответ на эти вопросы дает нам дневник Сухомлинова. 27-го июля 1914 г., т.-е. через неделю после объявления войны, он записывает в нем:

«Немецкий волк будет, повидимому, скоро затравлен: все против него...»

В скором и победоносном для нас исходе войны Сухомлинов так был уверен, что 28-го июля, в заседании совета министров, он предлагает привести наши курорты в такое состояние, чтобы по окончании войны «из России никто не ездил на воды за границу».

Предложение Сухомлинова, очевидно, должно было свидетельствовать пред всеми, особливо пред царем, о националистических чувствах его. Но военному ли министру было заботиться о курортах? Своевременно ли было тратить на них деньги, столь нужные каждому воюющему государству? Сухомлинов видимо, хотел этим сказать, что армии не понадобится покупать даже «пуговицы к гетрам».

Между тем отмеченное уже выше несоответствие мобилизационного плана 1910 г. действительности 1914 года сказалось с первых же

д[illegible]ей войны. Сказались и неудачное распределе[illegible] запасных среди кадровых солдат, и несоответ[illegible]ие числа призванных запасу винтовок, и недоста[illegible] перевозочных средств... Пулеметные команды во многих полках на три месяца отстали от своих [illegible]ков, и последние шли в бой без пулеметов. [illegible]ная артиллерия принуждена была выступить [illegible]оход с полевыми, а не горными орудиями. [illegible]ота шла с винтовками «неотлаженными» для [illegible]льбы остроконечными пулями. С заводов были [illegible]ты по мобилизации квалифицированные работ[illegible]и, что отразилось на их производстве. Сна[illegible]ение аппаратов Сикорского, о которых так [illegible]тливо говорилось в февральской статье — «Рос[illegible] готова...» — еще только налаживалось. Лишь [illegible]го августа 1914 г. был отправлен на театр [illegible]ны первый бронированный автомобиль.

И при таких-то условиях наш военный ми[illegible]тр полагал, что «немецкий волк будет скоро [illegible]авлен». Как видно из писем его к началь[illegible]у штаба верховного главнокомандующего, [illegible] Янушкевичу, Сухомлинов совершенно не [illegible]имал ни обстановки, ни соотношения сил и [illegible]готовленности к войне России и Германии. Он [illegible]л наступательным пылом и требовал дать «[illegible]шинга» всем.

— «...Трио: Иванов, Алексеев и Величко — [illegible]ент пассивный, — пишет он Янушкевичу [illegible]вгуста 1914 г. — Ради бога, побольше доп[illegible]а» [1]).

[1]) Ген. Н. И. Иванов — главноком-щий армиями Ю.-Зап. фронта; [illegible] М. В. Алексеев — его начальник штаба; инж.-ген. К. П. Величко — [illegible]ж. профессор фортификации, европейский авторитет в крепост[illegible]просах, сперва полев. инспектор инженерной части Ю.-З. фронта, [illegible] инспектор инжен. части при верхов. гл-щем.

12-го августа австро-германские армии повели наступление на наш юго-западный фронт, на линии Люблин — Холм, — и 13-го августа Сухомлинов снова пишет Янушкевичу:

«Хороший урок — имея все данные в руках для активных действий, — окапываться и сидеть до тех пор, пока противник... не перейдет в наступление... Боже мой, какой доппинг тут нужен!..»

В Сухомлинове просыпается старый «остроумец» — Остап Бондаренко — и по адресу ген. Иванова он острит в своем дневнике:

«...В Риме открылась вакансия папы, — вот хороший кандидат...».

Читаешь дневник Сухомлинова, — и кажется, что ведет его не государственный деятель, не военный министр, а самый заурядный обыватель, почитывающий газету. Вот образчик этой «обывательщины» мыслей, чувств и языка.

«7 августа. В Киеве прозевали и дали австрийцам взять Каменец-Подольск. С такими полководцами можно сесть в галошу».

«21 августа. Французы бедные отступают, немцы под Парижем...»

Гибель нашей 2-й армии (ген. Самсонова) у Сольдау, столь чреватая последствиями, вызвала у Сухомлинова бессодержательную запись в дневнике:

— «19 августа. Печальная весть о неудачах нашей второй армии: убиты Самсонов, Мартос и Пестич».

Более он к этому событию не возвращается.

За катастрофой у Сольдау последовало беспорядочное спешное отступление 1-й армии (ген. Ренненкампфа) из Восточной Пруссии.

Отмечая и его столь же кратко и бессодержательно в своем дневнике. — знаете ли, чем интересуется военный министр?

«6 сентября... Интересно знать, уцелел ли знак Скобелева, который ему (Ренненкампфу) прислал кн. Белосельский-Белозерский».

Казалось бы, после разгрома двух армий, одной за другой, — потерявших массу пленными, потерявших всю артиллерию, обозы и парки, было над чем призадуматься военному министру. Растрепанные части этих армий надо было укомплектовать, обмундировывать, вооружать, снаряжать, дать им новый командный состав. Дела должно быть было по горло. Что же мы читаем в дневнике?

«12 сентября. Барановичи. Прохладный, но хороший день... Государь в отличном настроении. Отдых для меня полный. Дела мало [1])».

Положительно, он воображал себя нашим Мольтке. Известно, что последний, подготовив все для победоносной войны с Францией в 1870 г., когда она была объявлена, сказал своим сотрудникам: — «Теперь я могу отдохнуть». И всё же не отдыхал.

Но когда наш Сухомлинов находил, что «дела малы» и отдыхал в Барановичах, — недостаток у нашей армии в снарядах, патронах, винтовках сказался уже в полной мере.

С армий и с фронтов неслись уже к военному министру настойчивые требования присылки всего этого — прямые «вопли отчаяния».

[1]) Сухомлинов в это время сопровождал царя в его поездке на фронт.

«Расход патронов, и особенно пушечных, громадный... Нужда крайняя, ибо требование их громадное, непрерывное»...—телеграфировал 27 августа Янушкевичу ген. Забелин [1]).

На другой день оттуда же о том же: — «Бой напряженный по всему фронту. Расход патронов чрезвычайный. Положение отчаянное. Помогите!..».

Сообщая Сухомлинову об этом 28 августа, Янушкевич пишет: — «Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия». 29-го — он повторяет Сухомлинову:

«... Во избежание патронного голода со всеми его последствиями верховный гл-щий требует полного напряжения деятельности к разрешению этой задачи государственной важности... Безотлагательная помощь необходима... Без патронов нет победы».

4-го сентября 1914 г. Янушкевич указывает Сухомлинову, что «необходимо дать наряды всем заводам не только сухопутного, но и морского ведомства на полную их производительность»...

18-го сентября верховный главнокомандующий сам уже обращается к Сухомлинову: — «Прошу вас обсудить возможность срочного заказа металлическим русским заводам возможно большего количества станков для выделки снарядов... Было бы крайне желательно привлечь... все подходящие заводы казенной и частной промышленности».

Всё, что сделал Сухомлинов, это — как мы знаем, при посредстве министра торговли и промышленности Тимашева — созвал 9-го сентября

---

[1]) Начальник снабжения армий Ю.-З. фронта.

...вещание заводчиков, на котором произнес «па-...отическую» речь и которое не дало осязатель-... результатов. О мобилизации частной про-...мленности на этом совещании Сухомлинов и не поднимал вопроса.

Когда же представители рижского завода «Саламандра», акционерных обществ «Динамо», ...ньвенского горного завода, Франко-русских ...водов и пр. сами предложили затем, в сентябре ...ктябре, свои услуги по изготовлению снаря-...— военное ведомство им отказало. Почему? ...тому, что «в предлагаемых снарядах надобности ...встречается». Так ответило представителям ...х последних из названных обществ главное ...ллерийское управление. Знал ли об этом ...нный министр? Можно сказать с полной уве-...ностью, — нет, ибо Сухомлинов деятельностью ...го подчиненного ему управления не интере-...лся, дабы не ссориться с генерал-инспектором ...ллерии вел. князем Сергием Михаиловичем.

А через четыре дня после совещания с завод-...ами случилось нечто еще более непонятное. ...поручению главнокомандующего французской ...ией ген. Жоффра, французский посол Палео-... обратился к Сухомлинову с вопросом, до-...точно ли снабжена русская армия снарядами, ...бы продолжать без остановки свои военные ...рации. Сухомлинов отвечал, что «положение ...ей не внушает никакого серьезного опасения», ...о «министерство принимает все необходимые ... для обеспечения армии всем количеством ...рядов, которое ей необходимо, имея в виду ...ельность войны и такой расход снарядов, ...ой обозначился в недавних боях».

Каково же было удивление французов, когда наше отступление в ноябре 1914 г. после боев у Брезин и Ловича было объяснено им ставкою верховного глав-щего недостатком в снарядах! Каково же было удивление самой ставки, когда она узнала, что уверенность французского командования в полной обеспеченности нашей армии снарядами основывалась на ответе Сухомлинова на его запрос и скрытое в нем предложение своей помощи.

Теперь мы читаем в дневнике М. Палеолога следующие строки по поводу этого факта, заимствованного мною из обвинительного акта по делу Сухомлинова:

«Ген. Сухомлинов двадцать раз заявлял мне, что приняты все меры к тому, чтобы русская артиллерия всегда была обильно снабжена снарядами... ...Он уверял меня, что он сделал всё возможное с целью удовлетворить всем требованиям, всем случайностям. Я даже получил от него письменное свидетельство об этом»...

«...Я не упрекаю, ген. Сухомлинова, — пишет далее М. Палеолог, — в том, что он не предвидел перед войной, что каждое сражение будет оргией боевых запасов; я так же мало упрекаю его в медленности, объясняемой состоянием вашей (русской) промышленности; я упрекаю его в том, что он в течение трех месяцев ничего не сделал с целью отвратить нынешний кризис, на который я указал ему по поручению генерала Жоффра[1])».

---

[1]) Морис Палеолог.—«Царская Россия во время Мировой войны». Перев. с франц. Госуд. Изд-во. 1923 г. стр. 180 и 182.

Между тем настал октябрь — и вопли с фронта продолжали нестись.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом [illegible]. Иванов писал Янушкевичу 13-го октября: — «...источники пополнения боевых припасов артиллерии иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях».

Главнокомандующий Сев.-Западн. фронтом, ген. Рузский доносил ему же 25 ноября: — «У главного начальника снабжения нет ни одного парка»...

С Кавказского фронта гр. Воронцов-Дашков писал 25 октября: — «При малочисленности Кавказской армии сила огневого действия заменяет количество войска, потому недостаток патронов ставит армию в безвыходное положение»...

Янушкевич, стараясь побудить Сухомлинова к экстренным и энергичным мерам, писал ему в частных письмах, что «с уменьшением числа орудий и патронов стало выбывать из строя на 50—60% больше» (22 ноября 1914 г.); — что на фронте Бзуры есть батареи с 100 патронами на орудие... Жутко от этого» (январь 1915 г.); — «на участке одного из полков немцы выпустили 3 тыс. тяжелых снарядов... Снесли всё. У нас было выпущено едва 100» (27 мая 1915 г.); — «в 12-м корпусе 7 дивизий в составе 12 тыс. штыков. Нет винтовок, и 150 тыс. стоят без дела»... (9 июня 1915 г.)

Вопрос патронов и ружей он называет «кровавым» и восклицает: — «Волосы дыбом становятся от мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму. Чем меньше патронов, тем больше потери»... (6 дек. 1914 г.)

К половине октября 1914 г. армиям и пополнениям их недоставало уже 870 тыс. ружей; в армиях только Юго-Западного фронта к ноябрю того же года не хватало 165 пулеметов, к декабрю — 260, а к августу 1915 года потребность в них армий всех фронтов выражалась уже в 12.039.

Члены Госуд. Думы, побывавшие на фронте, подтверждали критическое положение армии в отношении снарядов, патронов и винтовок.

«Мы воюем телами», — говорили они.

Как же реагировал на всё это Сухомлинов?

Янушкевич на суде показывал, что военный министр отвечал ему успокоительною фразою: «все меры приняты».

Полковнику Туган-Барановскому, на доклад его, что пополнения в армию посылаются с одной винтовкой на 10 человек, — Сухомлинов ответил: — «Нужно делать, что возможно».

Милюков показывал суду, что, когда Госуд. Дума, в феврале 1915 г., в частном совещании своих членов, потребовала от правительства отчета о положении армии на фронте, Сухомлинов упрямо стоял на своем, продолжая утверждать, что всё обстоит благополучно, что все заказы сделаны, все меры приняты.

Первая запись в дневнике Сухомлинова о недостатке снарядов сделана 8-го сентября, т.-е. 10 дней спустя после первой телеграммы о том Янушкевича. Она лаконична и по существу формальна.

«Громадный расход артил. патронов, в особенности, на юго-западном фронте. Заводы не поспевают изготовлять. Принимаем все меры, но время не ждет, а заводские средства наши слабы».

С этих пор отметки на страницах дневника по вопросу о снарядах начинают попадаться довольно часто. Но вот какое освещение дает ему Сухомлинов:

«А. И. Гучков распускает слухи о недостатках снарядов в армии нашей; плохая услуга давать такие данные нашему противнику». (... сент. 1914 г.)

Как будто немцы сами не в состоянии были об этом догадаться по слабой силе нашего огня.

«Инициатива в руках противника, а у нас начинаются жалобы: пополнения приходят медленно, недостаток снарядов, сапог и т. д. Явление обычное при неудачах». (6 дек. 1914 г.)

Виноваты, значит, генералы, выпустившие инициативу из своих рук, а почему, — этот вопрос военный министр отметает.

По поводу закрытого заседания членов Государственной Думы пред открытием ее сессии в феврале 1915 г., — того самого, о котором говорил на суде Милюков, Сухомлинов отмечает в дневнике: — «Господа Шингарев, Годнев, Бенингсен, — нападки на военное ведомство. Конечно, они бы наверное всё лучше сделали, а немцы давно завладели бы Варшавой и Петроградом, и война давно кончена бы была. Шингарев при этом восхищается благоустройством германской армии».

Какая дерзость, что — не русской! Варшавой немцы, действительно, завладели, но этот факт не удостоился отметки в дневнике военного министра, взорвавшего варшавские форты.

Сухомлинову кажется, что все толки о недостатках в боевом снабжении нашей армии — только

клевета и сплетни на него, Сухомлинова. Это всё происки его врагов.

«Целый ряд негодяев (Поливанов, князь Андроников, m-me Плаутина, Португалов, Гучков и К°), — пишет он в своем дневнике 12 марта 1915 г., — занимаются сплетнями, клеветой, интригами в самый разгар войны, когда нужна дружная работа русских людей...»

Сухомлинов готов причислить к «ряду негодяев» и ставку с верховным глав-щим и своим протеже Янушкевичем. — «Не понимаю, что делает ставка, — заносит он в свой дневник 26 марта 1915 г., — запрещено говорить о военных делах, чтобы не попадали к противникам такие сведения, которые могут быть ему полезны. И вдруг (!?) из штаба самого верховного гл-щего широкою волною покатился слух, что у нас нет патронов, снарядов и ружей. Все об этом кричат и масса телеграмм получена из разных мест».

Хорошо это «вдруг» на 9-м месяце войны, после всех телеграмм и писем Янушкевича. Сухомлинов, видимо, забыл, что он первый вынес в широкую публику своею патриотическою речью заводчикам сведения о критическом положении армии и тем авторитетно подтвердил циркулировавшие в ней слухи.

Но о «доппинге» он уже более не говорит, — его не требует.

«Если верно (?!), что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать», — пишет Сухомлинов в дневнике 29 марта. — «Ставка жалуется на недостаток снарядов, а сама предпринимает наступление, да еще через горы!!», — читаем мы в дневнике 22 апреля 1915 г.

Недоумеваешь: кто это пишет: обыватель или военный министр, офицер генерального штаба, который, казалось бы, должен знать, что снаряды нужны не только для наступления, но особливо для обороны, стойкость которой покоится на мощном огне.

6 апреля 1915 г. верховный глав-щий вновь обратился к военному министру с личной телеграммой, требуя энергичной доставки снарядов.

«Над этим делом поставлен генерал-инспектор артиллерии [1]) с особыми полномочиями, — записывает в свой дневник Сухомлинов по этому поводу. Моим вмешательством могу только теперь испортить.»

Лишив в свое время генерал-инспекторов права личного доклада государю, он не противится теперь наделению их особыми полномочиями, лишь бы снять с своих плеч бремя забот и ответственности. За неудачный ход военных действий должна отвечать, по его мнению, ставка в лице вел. кн. Николая Николаевича, за снабжение армии боевыми припасами — генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергей Михайлович. За спинами этих двух «безответственных» по своему положению лиц, Сухомлинов рассчитывал быть также безответственным.

Дело боевого снабжения армии, однако, не налаживалось от «умывания рук» тем, кто назидательно писал в своем дневнике другим, что «нужна дружная работа всех русских людей». И в мае 1915 г., когда патронный голод особенно обострился, верховный глав-щий настоял на том,

[1]) вел. князь Сергей Михайлович.

чтобы под председательством военного министра было образовано особое совещание по снабжению армии артиллерийскими припасами. Сухомлинов был уполномочен принимать «сверхмеры», лишь бы обеспечить армию снарядами. От него всё еще чего-то ждали

Но у Сухомлинова попрежнему не было в голове никаких мыслей, никакого плана, никаких конкретных предложений, как и тогда, когда он приглашал заводчиков спасти армию и Россию. А необходимость работать совместно с представителями народа и общественности делало эту работу для него не только тяжелой, но и неприятной. Его отношение к совещанию было прямо враждебным. Это ясно чувствуется из записей его дневника.

«14 мая. Первое заседание совещания под моим председательством. Председатель Гос. Думы громил главн. артилл. управление. Предлагал распоряжаться вне всяких законов и вешать кого угодно, неисполняющих моих распоряжений. Обсуждали, что можно еще сделать. Промышленники предлагают меры, но немедленно снарядов мы не получим».

Промышленники, — но не военный министр. У него нет никаких предлагаемых мер, а лишь капризное, ребяческое желание получить снаряды немедленно. Но в почве нет их залежей, — и потому предлагаемые меры кажутся военному министру непригодными.

18-го мая — второе заседание.

«Родзянко не может успокоиться и всё шельмует глав. артил. управление.»

Сухомлинов понимает, что «шельмуют» собственно его, как военного министра, который,

по свидетельству ген. Ю. Н. Данилова [1]), «ничем не проявлял себя как главный руководитель артиллерийского ведомства»... И также «не может успокоиться»... А прекратить это «шельмование», казалось, было бы так просто: предложив совещанию обсудить свои определенные предложения. Но у Сухомлинова попрежнему их нет.

22-го мая — третье заседание

«Председатель Госуд. Думы, видимо, не желает принимать участия в ответственности за решения совещания. По его мнению, он будет советовать, что делать, а военный министр отвечает за всё, что от этого получится.»

Пусть лучше ничего не «получится», — думал, вероятно, Сухомлинов, чем нести ответственность. И потому сам ничего не «советовал» и от советов других уклонялся.

Четвертое заседание совещания совсем не отмечено в дневнике Сухомлинова. А под 26-м мая мы читаем в нем: — «положение об особом совещании пересоставляется, чтобы выделить усиленную власть военного министра и при нем выяснить права совещания».

Но ведь председатель совещания с самого начала облечен был правом на «сверхмеры». Никто под усиленную власть военного министра не подкапывался. Требовали лишь ее фактического осуществления. И ясно, что новое «положение» имело целью зажать рот тем, кто «шельмует» его, Сухомлинова. Начиналась борьба оскорбленных самолюбий. Между тем обстановка

[1]) Генерал-квартирмейстер главн. управления генер. штаба.

на фронте требовала дела, а не сведения личных счетов путем канцелярской казуистики.

Того же 26 мая в дневнике Сухомлинова записано:

«Юго-Западный фронт понес потери около 300.000. Положение критическое при недостатке притом артиллерийского снабжения»...

Работа совещания не стала, однако, более энергичною от этого известия.

27 мая состоялось, повидимому, последнее его заседание.

«Председатель Гос. Думы, — записал о нем в дневнике Сухомлинов, — продолжает патриотически шуметь, отвергая всякие формальности, не признавая ни 87-й, ни 17-й и никаких вообще статей закона и требуя диктаторской власти председателю особого совещания по заказам и расходам на них...»

Казалось бы, чего лучше и зачем пересоставлять положение, когда сами члены совещания стоят за диктатуру председателя. Но беда в том, что диктатура обязывает к деятельности, а Сухомлинов к ней-то и не был способен. И он кончает запись словами:

...«Одна болтовня, потеря времени и масса потраченной бумаги на журналы заседаний. Такие дела скопом не делаются».

Получался заколдованный круг. Дело снабжения армии не налаживалось ни путем единоличной деятельности полномочного военного министра, ни путем совместной с ним работы других лиц. Надо было найти выход из трагического положения. Его, видимо, искали обе стороны...

Совещание более не созывалось. Чтобы показать, что может сделать он один, Сухомлинов

в. ... выехал в Черниговскую губернию для осмотр... Юстенского порохового завода. И открыл А...ку.

...прекрасно поставленный завод, — заносит он... дневник 4 июня 1915 г. — Может быть ду...рован — почти при том же составе администрации и техников. При мне набросали проект, — об...ется 1.200.000 руб. Если бы главн. артилл. у...ление подумало об этом с начала войны, вс...ло бы теперь готово...»

...и бы военным министром пред войной был не...хомлинов, позволительно думать, что многое бы...бы готово... Но для этого надо было, чт... правительство было народное, а не царско... Обреченная же на гибель монархия никогда не ...ет и не находит себе других слуг, кроме Су...хомлиновых.

XII.

Отставка.

...ледания особого совещания по снабжению арм... артиллерийскими припасами окончательно уб...ли участвовавших в них думцев и промышл...ков, что от Сухомлинова ждать нечего, — что ...льнейшая работа с ним невозможна и безрезу...татна, а пребывание его долее на посту воен...го министра опасно для России и гибельно для ...ии.

...ядалось возобновление деятельности Думы — и ...о очевидно, что деятельность военного мин...ра будет в ней подвергнута беспощадной

критике. Желали в дни войны избежать ее огласки, и в последний раз Сухомлинову задан был вопрос: будет ли он впредь работать согласно с Думою?

Сухомлинов возмутился — и занес в дневник: «Что же это такое, — предлагается мне поступать не так, как повелевает мне государь, а так, как это угодно будет Думе»... (7 июня 1915 г.)

Как и что именно повелевал ему государь, — неизвестно, и ссылка на него, вероятнее всего, должна была прикрыть личную несклонность Сухомлинова работать вместе с Думой.

Тогда Родзянко при свидании с Сухомлиновым еще раз посоветовал ему подать в отставку, так как съехавшиеся думцы его «ругают и винят во всем».

«Эти народные представители, очевидно, под влиянием немецкой провокации и желают создать у нас внутренние беспорядки», — отмечает Сухомлинов по поводу этого совета в дневнике 9-го июня.

Эта запись красноречиво говорит о слепом самообольщении Сухомлинова. К тому же он уверен был, что государь его не выдаст, — и совета не послушал.

Родзянко, однако, не сложил оружия. Добившись аудиенции у государя, он обрисовал ему созданное Сухомлиновым положение столь ярко, что Николай II тут же дал свое согласие на его отставку.

12-го июня 1915 г., во время заседания совета министров, из ставки прибыл фельдъегерь и вручил Сухомлинову собственноручное письмо царя. Николай II писал:

«Владимир Александрович, после долгого раздумья я пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода настоящую минуту. Имев сейчас разговор с вел. князем Николаем Николаевичем, я окончательно сделался в этом. Пишу сам, чтобы вы от меня этого узнали. Тяжело мне высказать это решение, когда еще вчера видел вас. Столько лет работали мы вместе, и никогда недоразумений нас не было. Благодарю вас сердечно за вашу работу и за те силы, которые вы положили на дело и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более исчерпывающий, нежели осуждение современников. Сдайте пока вашу должность Верховскому. Господь с вами. Уважающий вас Николай».

«Спасибо доброму государю за это ласковое слово»,- прибавляет Сухомлинов, воспроизводя письмо в своем дневнике и не замечая логических противоречий в его содержании.

Итак, «исторический человек» сходил со сцены, чтобы в недалеком будущем... сесть на скамью подсудимых.

В своей отставке Сухомлинов видел только результат интриг своих врагов. Главными из них давно считал верховного главнокомандующего, Гучкова и Поливанова.

«Люди осведомленные уверяют, — заносит в дневник, — что в моем уходе принимал большое деятельное участие вел. кн. Николай Николаевич. Ему Россия много обязана: 17 октября, и вызов и удаление министров в самое тяжелое время, и все неудачи 1914 и 1915 г.г., что он охотно сваливает на других.»

Ту же мысль он повторяет еще раз записью 13-го июня:

«В моем лице вел. князем Николаем Николаевичем «козел отпущения» найден»...

В заговоре с верховным глав-щим против него, Сухомлинова, — и Гучков.

Еще 15 апреля Сухомлинов отмечает в дневнике:

«Гучков основательно запускает свои лапы в армию. В ставке не могут этого не знать. И никаких мер против этого не принимают, — не придавая никакого, очевидно, значения экскурсиям Гучкова и членов Гос. Думы. По-моему, заключает Сухомлинов свою запись, — это может создать очень опасное положение для существующего государственного нашего строя».

А за несколько дней до своей отставки он пишет:

«Говорят, Гучков орудует во-всю и программу свою ведет настойчиво и нахально. Родзянко у него играет роль тарана». (8 июня 1915 г.)

В своей отставке Сухомлинов видит даже более чем козни личных врагов: начало революции, с одной стороны, и крупное поражение на фронте войны — с другой. Вот записи его дневника:

— «Неудачами на войне воспользовались думцы и учинили сдвиг правительства влево. Через ставку им удалось обновить совет министров в этом направлении, и вслед за министром внутр. дел[1]) и военным пойдут смены других. Надо ожидать, что за «кадетским» советом министров

[1]) Н. А. Маклаков.

...ледует уже в чистом виде конституционный ... так далее».

Итак, Гучков кажется Сухомлинову работающим на «кадетское» правительство; «конституционный кабинет» — якобинством... Таково было понимание политической конъюнктуры у этого министра.

Следующая запись еще характернее:

«Получены сведения о ликовании в Берлине, а провокатор А. И. Гучков трубит, что мое увольнение равносильно жестокому поражению немцев. Говорят, что на мое увольнение они затратили огромные деньги». (15 июня 1915 г.)

Это напоминает нам карикатуру в немецком журнале времени русско-японской войны, — по поводу назначения ген. Куропаткина главнокомандующим манчжурскими армиями. Группа японских генералов — Ояма, Куроки, Нодзу, Ноги и Оку — читают газету, сообщавшую об этом факте. На их лицах — радость, удовольствие, и они хохочут.

Не знаю, как реагировали немецкие газеты и журналы, немецкие политики и генералы на увольнение Сухомлинова, но ликовать им повода не было. Дела немцев за то время, когда у нас военным министром был Сухомлинов, на нашем фронте шли недурно. Они владели всею Польшей и вернули себе назад Галицию.

Но таково было самомнение Сухомлинова, что все события войны понимались им превратно.

Дневник его за этот период времени обнаруживает в характере Сухомлинова всю мелочность, всю низменность его души, неспособной пережить личную обиду, личное несчастие с достоинством,

в гордом молчании. Армия, ее успехи или неудачи, совершенно перестала с этих пор интересовать Сухомлинова. Всё его внимание в дневнике посвящено тому, что делает и говорит его преемник Поливанов. Он подбирает о нем слухи, толки, сплетни отовсюду. Уже один слух о назначении Поливанова военным министром вызывает у него восклицание: — «Бедная Россия!» А когда назначение состоялось, раздражению Сухомлинова нет границ.

— Ген. Поливанов выразил желание «дня через 4 быть в своем кабинете». Сегодня уезжаю в «Березовую» и может благодетельствовать и устраивать русскую армию по-своему «в своем кабинете», — записывает Сухомлинов в свой дневник желчно-ядовитые слова.

Он заносит в него и то, что Поливанов велел подать в отставку бывшему секретарю военного министра Зотимову, и то, будто бы, что он велел уволить всех швейцаров и дворников, и то, что «поотнимал» автомобили у генералов и теперь вместо них по городу ездят члены Госуд. Думы... — «Все признаки человека государственного ума», — восклицает он в негодований, не замечая, что эти записи выдают в нем человека с мелочной и низкою душою.

И тем не менее деятельность Поливанова кажется ему революционной.

«Чтобы скрыть свою революционную деятельность совместно с А. И. Гучковым, говорит, что почти его не видит», — читаем мы в дневнике одну запись.

И другую:

«А. И. Гучков и А. А. Поливанов работают дружно, признавая существующий строй и поря-

несоответствующими требованиям времени... и во-время это не прекратить, — быть большой беде».

И Сухомлинов делает попытку это «прекратить». По возвращении из «Березовки» в Петроград он представлялся 9-го июля государю, — «был крайне ласково принят» и «имел возможность всё откровенно доложить о настоящем положении дел и что творится»... [1]).

Если принять во внимание, что Поливанов не был еще месяца на посту военного министра и что Сухомлинов в течение этого времени с 13-го июня по 1-е июля отсутствовал из Петрограда, а сведения о деятельности Поливанова он мог черпать из сплетен, — то об осведомленности докладчика царю и основательности суждений Сухомлинова «о настоящем положении дел», — легко можно судить. Клеймя других «интриганами», «клеветниками» и возмущаясь сведением личных счетов «в такое время», что делал сам Сухомлинов? Его доклад царю нельзя назвать иначе, как ябедою, доносом, сведением личных счетов. Тут легкомыслие и подлость слились в нем вместе.

Привлеченный уже к следствию, Сухомлинов не столько оправдывается, сколько обвиняет. Ему нужно выставить себя преданнейшим защитником самодержавия, своих врагов — врагами его; ему нужно убедить «верхи», что в лице его, Сухомлинова, борются с самодержавием. И он пишет Ко[illegible] 15-го октября 1915 г. донос:

[1]) М. Палеолог пишет в своем дневнике, что Сухомлинов, несмотря на свои скандальные злоупотребления, [illegible] сохранил доверие высочайших особ. («Царская Россия...», стр. 267).

«Глубокоуважаемый Владимир Николаевич. А. И. Гучков окончательно водворился в военном министерстве и энергично работает для выполнения своей юаншикайской программы [1]). Пустили козла в огород, и он «наделает делов», за которые придется расплачиваться кровью. Необходимо принять решительные меры (?) безотлагательно,— пока не поздно. Не могу не поделиться с вами этими моими опасениями; я давно предупреждал о том, что готовится, а теперь преступное дело это в полном ходу, и последствия могут быть ужасны,— если твердою рукою вовремя не ликвидировать этот политический заговор» [2]).

И подписывается: — «Сердечно преданный Вам В. Сухомлинов».

— «С каких это пор»? — мог спросить себя Коковцов.

По городу распространяются анонимные записки, две из которых лежат перед нами. В одной из них читаем:

«В широких кругах Петрограда, особенно близких государственным людям, хорошо известны отношения военного министра Поливанова к целой группе лиц, политическая деятельность которых в течение долгих лет была направлена против престола...

«На совещании (по обороне) присутствуют даже такие лица, как, например, Маргулиес, который в 1905 г. стоял во главе социал-революционного издания и за свои крайние убеждения был

---

[1]) Юань-Шикай —китайский политический деятель, возглавлявший революционное движение против династии богдыхана.

[2]) Цитирую по подлиннику.

возвращен в Петропавловскую крепость. Во главе заготовочного отделения центр. военно-промышл. комитета находится некий Шарый, еще в 1912 г. удивившийся по обвинению его в принадлежности к социалистической организации... Во главе центр. военно-промышл. комитета находятся следующие лица: фон-Дитмар, барон Майдель, Розенфельд и В. В. Жуковский. Все они по своему складу ума и политическим тенденциям принадлежат к различным группам, явно враждебно настроенным к престолу...»[1].

В другой — опять Гучков Юлий-Шикай, его пособник Поливанов и помеха их политической авантюре, «козел отпущения» за неудачи на войне — Сухомлинов. «Влиянием Гучкова и нажимом на военную цензуру настроили печать против бывшего военного министра, которому, таким образом, и защищаться нет возможности... Человек, поработавший самоотверженно и честно на боевую подготовку армии, пострадал из-за политических происков и личной мести».

Сличая эти анонимные записки с собственноручно написанными Сухомлиновым объяснениями для следственной комиссии, легко угадываешь, кто их автор. Под ними не достает лишь подписи Остапа Бондаренки, всегда стоявшего «горой за правду».

XIII.

Остап Бондаренко — «опять на хуторе».

Сдав должность, Сухомлинов покинул на время Петроград и уединился на хуторе В. А. Березовского в Курской губернии. Там он с упоением

предался рыбной ловле. Для его ленивой, обывательской, недеятельной натуры и отяжелевшей головы это было самое подходящее занятие: сидеть на берегу р. Сейма над удочкой и часами глядеть, не дернет ли рыба лёсу.

«Пытался на дорожку щуку поймать, но не удалось, поймал на удочку окуней,— заносит он в свой дневник 20-го июня 1915 г.— Погода чудная. Благодать. Отдыхаю нравственно и физически.»

Но это только фраза. Раздражение не улеглось и здесь, и мысль Сухомлинова всё время возвращается в Петроград. Вслед за идиллическими записями о погоде, об улове идут желчные строки о Поливанове и Гучкове.

«Дождливый день. Все признаки человека государственного ума: Поливанов озабочен исключительно полной переменой того, что было при мне» (23 июня).

Наконец, не выдержал и 1-го июля вернулся в Петроград, доложил царю, «что творится», и снова уехал ловить рыбу,—на Иматру.

«Днем очень тепло, утром и вечером — приятная прохлада. Утром ловил рыбу в Ситоля... вытащил 4 харюза (в 10 фунт). Газет не читаю, не имею понятия, что происходит». (16 июля).

Ну, разве это не обыватель!

Вернувшись в Петроград, Сухомлинов «отдался литературе». Путем ее он решил попытаться реабилитировать себя, показать, какого «мужа разума и совета» Россия лишилась, отстранив его от дел,— чего он хотел и что он мог бы сделать, оставаясь у власти.

И вот после 17-летнего перерыва Остап Бондаренко снова заговорил. Под этим своим

своим псевдонимом Сухомлинов в течение 1916 г. выпустил одну за другою семь брошюр, самого разнообразного содержания, навеянного чтением различных книг и журналов [1]).

«По поводу настоящей войны пишут многие, грамотные и неграмотные, толковые люди и бестолковые молодцы,— рассуждает он в одной из этих брошюр,— но с повадкой иногда скользнуть по истории и, злоупотребляя ее авторитетом, лягнуть свою же матушку Русь...»

Если «пишут многие» — и по характеристике пишущих — всё «литераторы левого фланга», то как же ему не писать, старому литератору «правого фланга»... Конечно, он будет защищать ее — «матушку Русь»...

Вот образчик его защиты:

«По умозаключению, например, одного из этих арзаровцев (!?), настоящая война показала, что мы несколько отстали от неприятеля»,— так, мол, было и при царе Федоре Алексеевиче, и в 1854 г. под Севастополем, и в Турецкую войну 1877 г., и в Японскую войну 1904 г...»

— Какая клевета на русских военных министров..., то-бишь, на Россию!

«Что касается нашей армии в настоящую войну,— возражает бывший военный министр,— то приходится отдать ей (разумей — ему, Сухомлинову) справедливость,— она выступила в таком виде и порядке, как никогда... Если при наших условиях могли быть задержки в по-

---

[1]) Вот их заглавия: — «Опять на хуторе» (XIV); — «По [illegible]» (XV); — «Грех [illegible]» (XVI); — «По поводу [illegible]» (XVII); — «[illegible]?» (XVIII); — «[illegible]» (XIX) и «[illegible]» (XX).

полнении боевых припасов, то ведь и у наших союзников, при их богато развитой промышленности и средствах для подготовки к войне..., точно так же оказалась недостача боевого снабжения.»

Судите сами, кого защищал этими строками Сухомлинов, — и какими глубокими, убедительными соображениями и каким дипломатически-мягким языком... «Задержки», а не снарядный и патронный голод... «Могли быть», — но не значит, что б ы л и.

«Что же касается нашей хронической отсталости технической, — пишет адвокат России, — ...то для того, чтобы изменить это наше положение, нужен размах Петра Великого и не один десяток лет... Для военного ведомства при этом необходимо насаждение внутри страны частных заводов и фабрик, как изготовляющих специально предметы боевого снабжения, так и способных в военное время перейти на массовое изготовление того же»...

А мы-то думали, что Сухомлинов этого не понимал! Не только понимал, но оказывается, что «со стороны военного ведомства энергичный почин в этом направлении был»...

Как же это его прозевали фабриканты, заводчики, печать, Государственная Дума, всё общество?!... Объяснение этого необъяснимого факта у Сухомлинова готово:

«...Очевидно, не все инстанции разделяют то мнение, что нам надо иметь всё у себя, и предпочитают проторенную дорожку к иноземным заказам.»

Обвиняя других в злоупотреблении авторитетом истории, Сухомлинов, видимо, не замечает,

как он сам злоупотребляет правдой кровавой действительности.

Что сделал он в качестве председателя особого совещания, уполномоченного на всякие сверхъеры?

Кто, вопреки мнениям других инстанций и ущерб русскому Обуховскому заводу, отдал заказ на 12-дюймовые снаряды французскому заводу Поля Жиро; кто в ущерб русскому Путиловскому заводу задерживал введение у нас новой пушки системы Шнейдера в пользу системы Депора; — кто в ущерб русскому Тульскому заводу сдал заказ на пулеметы английской фирме Виккерса и той же фирме отдал оборудование нового оружейного завода?

Поистине, нужна большая наглость, чтобы, имея в своей прошлой деятельности такие факты, сваливать всё на «инстанции».

Виноваты у него «инстанции» и в неотпуске кредитов, нужных военному ведомству.

«...Во всех странах, — пишет Сухомлинов, — самое тяжелое положение военных министров, которые вынуждены будут добиваться огромных ассигнований на развитие вооруженных сил, а проведение соответствующих кредитов встретит ожесточенный отпор со стороны представителей финансового ведомства.»

Но едва ли в какой-нибудь еще стране найдется военный министр, который, добившись потребного ассигнования на оборону государства, не использует отпущенных ему кредитов. У нас же такой нашелся — и Сухомлинов умолчал о нем.

В другой брошюре — «По хозяйству» — Сухомлинов, словно, человек, свалившийся с луны,

говорит нам о развитии германской промышленности и выражает сожаление, что «не существует организаций сельских хозяев для упорядочения снабжения армии и тыла, для организации экспорта, для интенсификации сельского хозяйства». В этом он винит «несогласованность работы отдельных ведомств».

Став в отставке строгим критиком правительственного механизма, бывший военный министр, к сожалению, не говорит нам, что же он предпринимал в этом направлении в интересах снабжения армии, когда он был у власти. Почему тогда ему не приходили в голову все эти мысли? Потому, что он сейчас заимствует их у других.

Пользуясь теперь чужими мыслями, он говорит в своих брошюрах и о борьбе с дороговизной, и о транспорте, и о химической промышленности, всё время ссылаясь на пример Германии, — той самой Германии, к всеобъемлющей подготовке которой к войне он относился так иронически в одной из своих брошюр 17 лет назад.

Незаимствованное у других, с в о е, Сухомлиновское в новой серии брошюр, это — сомнение в полезности военно-промышленных комитетов. Они подозрительны ему, того и гляди сорганизуются во второе «вольное» военное министерство... Ему и невдомек, что война вызвала уже к жизни, в других странах «министерства снабжения»...

«Личный мой опыт подсказывает мне, — авторитетно рассуждает Сухомлинов, — что не канцелярски-комиссионным способом должны решаться такие вопросы. Творческая часть была и будет всегда достоянием отдельных голов, а не коллегиального конгломерата.»

Нельзя без усмешки читать эти сентенции со ссылкою на «личный опыт», зная теперь, чего стоила нам творческая деятельность сухомлиновской головы в условиях безответственного царского режима.

В этих брошюрах ограниченность ума, узость кругозора и полное отсутствие самокритики и политического такта у Сухомлинова выступают с такой яркостью, что на память невольно приходят слова городничего из гоголевского «Ревизора» по адресу Хлестакова:

«...Сосульку, тряпку приняли за важного человека!..».

Действительно, теперь недоумеваешь, — как могло случиться, что столько лет «сосульку, тряпку» могли считать за государственного человека и в столь ответственные времена держать столь долго на ответственных постах командующего войсками пограничного округа, генерал-губернатора огромного края и военного министра. Не прошел ли мимо нас лишь призрак человека, который мы десятки лет принимали за реальность? До такой степени нелепой кажется сейчас возможность существования Сухомлиновых.

XIV.

Дни расплаты.

Ревизор царей — Революция приближается... Глухо доносится еще отдаленный звон бубенчиков и колокольцов мчащей его тройки... Но уже сотрясается земля под ее все ускоряющимся бегом...

Не сегодня — завтра должна она влететь в столицу и разметать сонм «городничих», правящих Россией.

Отставка Сухомлинова ничего не изменила в направлении политики царской власти. «Сдвиг влево», который так пугал Сухомлинова, был недолог и невелик. Горемыкина сменил Штюрмер... Поливанов был непрочен на своем посту и скоро был уволен... Сознавалась необходимость дать на Сухомлинове предметный урок для безответственной власти. Общество считало себя обманутым хвастливым заявлением бывшего военного министра о готовности России к войне и неудовлетворенным простым лишь увольнением его с поста. Оно желало знать истинную картину этой неготовности, виновников ее — и покарать их. С трибуны Госуд. Думы произносился ряд речей, беспощадно обвинительных по адресу правительства... И смысл их был один: — под суд виновников позора и несчастий отечества!

23-го июля 1915 г. Госуд. Дума 345 голосами своих членов из числа 375 голосовавших предложила правительству предать суду Сухомлинова и всех должностных лиц, виновных в нерадении или в измене. Растерянность правительства была так велика, что оно быстро и без сопротивления капитулировало пред этим постановлением. Уже 25-го июля последовало высочайшее повеление об образовании верховной комиссии под председательством члена Госуд. Совета, инженер-генерала Петрова «для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения».

Сухомлинов, конечно, оказался сразу в центре
того расследования.

«Кругом окружен сыщиками, следящими за
каждым моим шагом,—заносит, между прочим,
Сухомлинов в свой дневник 27 сентября.—Ничего,
конечно, против этого не имею, но по форме
это противно и обидно: вот в какое положение
попадают самые верные и преданные государю
люди...»

А за день перед этой записью, по постановлению верховной комиссии, состоялся осмотр
архива Сухомлинова в Обществе взаимного кредита. Он, конечно, обижен этим актом, хотя
заносит в свой дневник 25 сентября:

«... Обижаться на контроль порядочные
люди не могут, но это ведь же в сущности
обыск»...

1-го марта 1916 г. добытые комиссией данные были представлены ею на рассмотрение
общего департамента Госуд. Совета. Данные эти
были столь неблагоприятны для Сухомлинова,
что надеяться на благоприятный исход дела ему
не приходилось. Тогда он подал прошение об
увольнении его от службы с правом носить не
мундир,—нет, а штатское платье. Очевидно
военной форме показываться на улицах Петрограда становилось уже небезопасно... Надо было
скрыться в толпе «вольных» людей, чтобы реже
встречать на лицах встречных людей обидное
злорадство, насмешливый взгляд, презрение и
издевание,—слышать за своей спиной сарказмы или оскорбительные замечания.

Просьба была уважена. 8-го марта 1916 г.
Сухомлинов был уволен от службы «по про-

шению, а 10-го марта 1-й Департамент Гос. Совета постановил назначить предварительное следствие по обвинению бывшего военного министра Сухомлинова в противозаконном бездействии и превышении власти, подлогах по службе, лихоимстве и государственной измене.

20-го апреля того же года, по постановлению производившего следствия сенатора Кузьмина, Сухомлинов был арестован.

«Никто не знал этого... Это для всех здесь совершенная неожиданность,—занес в свой дневник М. К. Лемке, находившийся в царской ставке.—Здесь фурор громадный. Разумеется, два основных отношения: большинство радо и видит в этом средство выгородить правительство, которое, признав негодяя, показало, что оно выше его; меньшинство осуждает такое дискредитирование самого понятия власти, полагает, что оно на руку только революционерам и немцам. Единицы вносят еще и другие мысли: это признание, что мы проиграем войну, и потому заранее выставлена мишень и создан отвод народного грома. Другое мнение: это ловкий ход, чтобы удовлетворить общественное мнение [1])».

Но все эти соображения не имели под собою почвы. Сенатор Кузьмин действовал совершенно независимо от них, руководясь единственно законом и обстоятельствами дела.

Однако отношение меньшинства, указанного Лемке, к аресту Сухомлинова восторжествовало; но видимо, к нему примыкал и Николай II. Рети-

---

[1]) Мих. Лемке—«250 дней в Царской Ставке». Госуд. Изд-во, Петербург, 1920 г., стр. 773.—Разрядка автора дает понять, что об этом постановлении Кузьмина не был предупрежден и царь.

ному законнику-сенатору дано было понять, что он зашел далее, чем нужно... Сухомлинов скоро был освобожден из под ареста. С него была взята подписка о невыезде из П[illegible]

Здесь его и застала Февральская революция 1917 года. Ее волна налетела на Сухомлинова и стала почувствовать в стенах Таврического дворца всю силу народного негодования против него.

В апреле 1917 года следствие о Сухомлинове было закончено, в июне был составлен обвинительный акт, и 10-го августа Сухомлинов вместе с женой предстал пред судом особого присутствия Сената с участием присяжных заседателей.

Сухомлинову были предъявлены следующие обвинения[1]:

1) в том, что, будучи главным начальником всех отраслей военно-сухопутного управления, — не принял необходимых мер как для увеличения крайне низкой производительности казенных заводов, изготовлявших снаряды, порох и взрывчатые вещества, так и к использованию частной промышленности для снабжения армии предметами артиллерийского довольствия, сознательно допуская, что таковым бездействием способствует неприятелю в его враждебных против России действиях;

2) в том, что оставив без наблюдения и личного своего руководства деятельность главного артиллерийского управления по принятию полных мер к снабжению войск и крепостей оружием, артиллерией, огнестрельными припасами и

---

[1]) Они печатаются здесь в сокращенной против обвинительного акта редакции; разрядка автора.

другими предметами вооружения, что повлекло понижение боевой мощи нашей армии;

3) в том, что в докладе бывшему императору умышленно, из личных видов, скрыл причину медленности по сдаче заказа на вооружение армии конной пушкой системы Шнейдера;

4) в том, что превысил власть, предоставив инженеру Балинскому, вопреки решению совета министров, немедленно приступить к оборудованию ружейного завода;

5) в том, что по соглашению с другими лицами сообщал Мясоедову, заведомо для него, Сухомлинова, состоявшему агентом Германии, сведения, долженствовавшие для безопасности России сохраняться в тайне;

6) в том, что такого же рода сведения, опять таки по соглашению с другими лицами, сообщал Альтшиллеру, заведомо для него состоявшему агентом Австрии;

7) в том, что после объявления Германией войны России оказал содействие к вступлению Мясоедова в действующую армию и продолжению его изменнической деятельности—и тем заведомо благоприятствовал Германии в ее военных действиях против России;

8) в том, что в интересах находившихся в войне с Россией держав передал Гошкевичу и Думбадзе перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 по 1914 год, в которых содержались заведомо для него секретные сведения по государственной обороне России;

9) в том, что из личных целей заведомо ложно официально удостоверил в печати от имени военного министерства,— что Мясоедов не имел

доступа к секретным документам и никаких поручений по военной контр-разведке не получал, и

10) в том, что о том же заведомо ложно сообщил в докладе бывшему императору.

Обвинения в лихоимстве следствием не подтвердились и на суде Сухомлинову не предъявлялись.

К сожалению, за пределами следствия остались вопросы об упразднении крепостей на западной границе, появление на страницах «Биржевых Ведомостей» сведений «из безупречного источника» о готовности России к войне, вводивших страну в заблуждение, и неисполнение Сухомлиновым повелений императора приостановить мобилизацию. Первый и последние факты подвергались выяснению на суде, но так как следствием материал по ним не был предварительно собран, то они и остались недостаточно освещенными. По второму же вопросу и речи на суде не заходило. А между тем все они существенно важны для полноты картины деятельности Сухомлинова и оценки его личности. В этих фактах могут заключаться данные не только для моральной, но и юридической ответственности его перед страной.

Вместе с Сухомлиновым предана была суду и его жена, Екатерина Викторовна. Ей предъявлены были обвинения в том, что, по соглашению с другими лицами, оказывая мужу помощь, содействуя его сближению с Мясоедовым и Альтшиллером.

Нельзя, однако, не признать, что для предъявления ей этих обвинений и предания ее суду в обвинительном акте не содержалось никаких фактических данных, никаких улик. Эта женщина

села на скамью подсудимых, надо полагать, единственно под давлением общественного мнения, считавшего ее «злым гением» ее мужа. Но распад моральной личности Сухомлинова начался значительно ранее знакомства его с этой женщиной — и я не склонен считать ее «роковою» для него. Оправдательный вердикт присяжных в отношении Сухомлиновой служит подтверждением этой точки зрения.

Процесс супругов Сухомлиновых начался 10-го августа и окончился 14-го сентября. Течение его ознаменовалось, между прочим, следующим инцидентом, характерным в том отношении, что он показывает, как сильно было в толще населения, особенно в солдатской массе, озлобление на Сухомлинова, как виновника бедствий армии на фронте.

На 22-й день судебного процесса, к зданию б. Собрания Армии и Флота, где происходили заседания суда, подошла толпа солдат, потребовала коменданта и заявила ему, что дело Сухомлинова, ясное и простое, судом затягивается. Солдаты требовали выдачи им Сухомлинова.

— У нас в полку,—кричали они, — суд сумеет быстро разобраться в этом деле!

С трудом удалось убедить толпу не нарушать законов, гарантирующих всестороннее и беспристрастное исследование дела. Тогда солдаты потребовали, чтобы к Сухомлиновым применен был полностью тюремный режим, — чтоб обед им брали из ближайшей казармы, чтобы были отняты у них матрацы на кроватях и т. п.

С этими требованиями посчитались, и Сухомлиновы были вновь водворены в Петропавлов-

крепость, откуда их и привозили в заседа-
суда.

Сухомлинов, конечно, не признал себя виновным
редъявленных ему обвинениях. Сущность
снений, данных им, сводилась к следующему:

...Безбожно обвинять военного министра Рос-
за то, что он не сделал того, что сделала
ания за 43 года подготовки к войне... Если
ыло снарядов, то причина тому в значитель-
тепени лежит в отсутствии согласованных дей-
на фронте и вызванных этим явлением ужас-
поражениях, благодаря которым немцы голыми
ми целыми парками забирали наши снаряды...

По вопросу о непринятии мер к поощрению
ой военной промышленности и мобилизации
ной промышленности в целях обороны, —
ато главное артиллерийское управление, —
ое вообще отличалось косностью и всячески
действовало всяким попыткам реорганизации.

Я не артиллерист, и многого не понимаю, у
было только одно, было искреннее жела-
помочь как-нибудь... — По его настоянию
имались определенные меры, государь одоб-
их, а затем отменял... — Я был бессилен
в руках других...»

Замедление с заказом пушек Шнейдера было
ано желанием снабдить нашу артиллерию
чительно усовершенствованными новейшими
ями [1]).

---

[1]) Следует заметить, что пушка системы [illegible], которую Сухо-
[illegible] выдвигал вместо пушек Шнейдера, [illegible]
[illegible] была привезена в Россию лишь для ознакомления с принципом ее устройства, и он не предполагал, что его
могла быть принята на службу нашей артиллерии от нее уже
[illegible] Франция — 1910 г. и позднее Америка.

4. Упразднение различных советов и комитетов в военном ведомстве вызывалось тем, что они «существовали только на бумаге» и «действовали вразброд...».

5. В Госуд. Думу он не являлся потому, что боялся скандалов, там кто-то работал против него, и для Думы он был «красной тряпкой...».

6. Закон не допускал передвижения военных кредитов из одного сметного назначения в другое, и оттого он не мог свободно распоряжаться сметными остатками.

7. Упразднение крепостей объясняется в сущности «лишь различием взглядов на задачи современной обороны». Он, Сухомлинов, — сторонник полевой обороны, время постройки крепостей, отгораживания китайской стеной прошло... Среди наших крепостей не было ни одной пригодной для обороны... Все проекты их устройства требовали громадных средств.

8. — «Я не преследовал никаких политических целей... Я не скрываю, я откровенно должен доложить, что я боролся с некоторыми политическими деятелями, но не за их политические убеждения, а за то, что их политика, как мне казалось, была направлена к ослаблению военной мощи нашей страны».

Что касается отношений с Мясоедовым и Альтшиллером, то, конечно, он, Сухомлинов, не имел никаких доказательств их преступной деятельности, а о падавших на Альтшиллера подозрениях он и вовсе не знал.

Было бы бесцельно дальше останавливаться на объяснениях Сухомлинова, а тем более входить в оценку и разбор их. Мы имеем пред собой

вердикт присяжных заседателей и приговор суда.

Присяжные заседатели признали доказанными все предъявленные Сухомлинову обвинения, отказав в первом из них лишь сознание им, что его преступное бездействие по снабжению армии способствует неприятелю.

Суд приговорил Сухомлинова к лишению всех его состояния, чинов и орденов и к отдаче в каторжные работы без срока. За отменою временным правительством смертной казни это наказание было высшим.

Однако приговор этот не был приведен в исполнение во всем своем объеме. Как достигший 70-летнего возраста, Сухомлинов по закону был освобожден от каторжных работ.

Ему удалось затем уехать в Финляндию, а оттуда — в Германию, и теперь он там, по слухам, пишет мемуары. Остап Бондаренко — опять на каторге и взялся за перо...

Теперь он — без прав, без чести, без отечества.

Был ли он последнему изменником? Приговор суда говорит нам — да. Но сознательным ли? В этом можно усомниться.

Что могло дать ему сознательное предательство? Расположение своего монарха, власть, высокое положение, чины, ордена и деньги — всё было у него. За какую же «чечевичную похлебку» стоило всё это продавать, рискуя всем? Нет, за «чечевичную» похлебку» царских милостей и преходящей власти он продал не Россию, а себя, свою роль «исторического человека», — «организатора побед». Всем своим поведением на посту

военного министра он доказал, что служил лицу монарха, а не стране, — служил ему из личных выгод, принося им в жертву интересы народа и армии, — что частные дела свои, своих друзей и ближних он ставил выше блага родины, — что с легкомыслием самонадеянного человека решал вопросы, роковые для России, и как лукавый и ленивый раб зарыл свои таланты в землю.

И что бы ни писал теперь он в свое оправдание в своих мемуарах, его имя — Сухомлинов — неразрывно связано в истории с несчастиями, пережитыми Россией в Мировой войне, и с последней стадией царизма, типичною фигурою слуги которого он был.

XV.

Post-Scriptum.

По поводу мемуаров Сухомлинова.

Ко времени печатания настоящего очерка в печати появились некоторые новые материалы, дающие штрихи личности Сухомлинова. Таковы воспоминания С. П. Белецкого о Распутине («Былое», №№ 20, 21 и 22), М. В. Родзянко (там-же, № 21[1]), Курлова («Конец царизма»), А. А. Поливанова («Мемуары») и, наконец, самого Сухомлинова. Не исключая и последних, они ни в чем не изменили оценки личности Сухомлинова, подтвердив лишний раз сделанные нами выводы и заключения о нем). А между тем, каза-

[1]) Читатель найдет ссылки на них в моем очерке, так как перед сдачею в печать его, я сверил с ним все написанное ранее по другим источникам.

...сь бы, что по крайней мере мемуары Сухомли-
...ва должны были сказать нам что-нибудь в оправ-
...ание его. Тем более, что они носят претенциоз-
...ное заглавие — «Исповедь моей жизни». Судя
...по этому заглавию, читатель в праве ожидать,
...что пред ним — «покаяние грешника», что он
...найдет в них только правду, сказанную «как
...на духу». И ошибется. В этом отношении,
...в отношении «покаянности» они значительно
...уступают воспоминаниям Белецкого, который не
...щадил в них ни других, ни себя.

Изданные заграницей на немецком языке
...воспоминания Сухомлинова на русский язык еще
...не переведены и известны мне только по фель-
...ету Е. И. Мартынова — «Из темного прошлого
...(По поводу мемуаров Сухомлинова)», напечатан-
...ому в газете «Красная Звезда» 23-го июня 1924 г.
...Из того, что процитировал из этих мемуаров
...в своей статье Е. И. Мартынов, выносишь убежде-
...ие, что о чистосердечии этой исповеди не
...может быть и речи. Умолчание об одном, самовос-
...хваление — в другом, извращение и отрицание
...факты в третьем.

Так, Сухомлинов и до сих пор утверждает,
...что, получив от своего предшественника по управ-
...лению военным министерством ген. Редигера
...«тяжелое наследство», он за 4½ года своего
...управления им разрешил «величайшую историче-
...скую задачу», а именно «создал могучую и благо-
...роднюю армию, которая в начале мировой
...войны привела противников в изумление».

По поводу этих строк «Исповеди» Е. И. Мар-
...тынов замечает: — «Конечно, такая похвала (по-
...хвальба? — *В. Л.*) весьма далека от истины. Сухо-

млинову, действительно, удалось осуществить некоторые реформы в области организации, вооружения, мобилизации и т. д., но главный, застарелый недуг русской армии — дурное управление войсками—остался неизлечимым; наоборот, под влиянием вмешательства черносотенных политиканов болезнь эта еще более осложнилась... Сухомлинов и не пытался бороться с этим. Он сам был продуктом той же гнилой среды, и все зависевшие от него назначения производил, руководствуясь личными симпатиями и выгодами. Это лучше всего подтверждается назначением начальником генерального штаба ген. Янушкевича... Сухомлинов говорит, что это был его личный выбор. ... Зачем же Янушкевич понадобился Сухомлинову? Дело объясняется просто: во-первых, на товарищеских обедах стрелков императорской фамилии Янушкевич очень понравился Николаю II, и Сухомлинов знал, что своим выбором он угодит Николаю II; во-вторых, Сухомлинов боялся соперничества начальника генерального штаба и полагал, что бесцветный, обязанный ему своим возвышением, Янушкевич останется навсегда его креатурой».

Теперь, в своих воспоминаниях Сухомлинов аттестует Янушкевича интриганом, «способным на всё ради собственных интересов».

Стоявшего во главе нашей артиллерии вел. кн. Сергия Михайловича Сухомлинов обвиняет в чрезвычайной симпатии к французской фирме «Шнейдер и Крезо». Но судебное расследование деятельности Сухомлинова раскрыло заинтересованность его самого другими фирмами и поставщиками.

Теперь Сухомлинов утверждает, что «главной предпосылкой для спасения России» было устранение членов императорской фамилии от вмешательства в государственные дела. Тогда он пользовался речью Гучкова, направленной против великих князей, как оружием против Государственной Думы и самого ненавистного ему Гучкова во мнении царя.

Он утверждает теперь, что еще до мировой войны настаивал на создании собственной военной промышленности, но будто бы «Коковцов и великий князь Сергей Михайлович, в связи с Шнейдер-Крезо, а также петербургскими и парижскими дипломатами возражали и одержали верх». Однако в записных книжках Поливанова, изданных вместе с его «Мемуарами», нет и намека не только на настояния Сухомлинова в этом вопросе, но и на то, чтобы таковой был им поднят. А между тем Поливанов являлся помощником Сухомлинова, заменяя в этой сфере деятельности последнего, как военного министра, был проводником его взглядов и решений в Государственной Думе, и его ежедневным заметкам в своей записной книжке нельзя отказать в достоверности того, что было и чего не было. Столкновения Сухомлинова с тогдашним министром финансов Коковцовым, которые Поливанов аккуратно отмечал в них, совершенно не касались этого вопроса и во всяком случае не свидетельствовали об умении военного министра проводить свои взгляды, пожелания и намерения в среде своих коллег по совету министров. Свидетельские показания в верховном суде б. министра торговли и промышленности С. И. Тимашева совершенно опровергают это утверждение Сухомлинова.

Наконец, в своих мемуарах Сухомлинов открещивается от дружбы с Распутиным. О ней говорит не только французский посол, Морис Палеолог, но и Белецкий в своих воспоминаниях о Распутине. Последний, по словам Белецкого, добивался и добился назначения на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, «при посредстве которого он (Распутин) рассчитывал добиться окончательного погашения дела Сухомлинова».

В своей «Исповеди» Сухомлинов остался верен и своему основному качеству — угодливости всякой власти. Он заканчивает ее словами: — «Ручательством за будущее России является тот факт, что теперь она имеет сильное и уверенное в себе правительство, которое руководится великим политическим идеалом».

Тот, кто понял Сухомлинова, знает цену этим словам. С каких пор коммунизм и освобождение всех трудящихся стали «великим историческим идеалом» для Сухомлинова, пресмыкавшегося пред царем и ловившим рыбу в мутной воде царизма?

В появившейся до сих пор мемуарной литературе только бывший жандарм Курлов выступил апологетом Сухомлинова. Их связывала общность вражды к П. А. Столыпину и роднила родственность «хлестаковской» натуры. — «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», — есть старая пословица. И она вполне приложима как к Сухомлинову, так и к Курлову.

В предисловии к немецкому изданию «Исповеди» Сухомлинова сказано:

«Его воспоминания являются потрясающим доказательством того, почему для внутреннего оздоровления России понадобилось вымести из

нее не только царский режим, но прежде всего господствующий класс общества. Порча во всех слоях, взаимное неуважение вплоть до ступеней трона, прямо-таки азиатское интриганство и полное исчезновение правового сознания даже в кругах, мнивших себя наследниками великих традиций 1861-го года», — вот среда и условия, в которых выростали, жили, действовали, распускались пышным цветом Сухомлиновы, приветствующие ныне из-за рубежа Р.С.Ф.С.Р. «великий исторический идеал» пролетарской революции.

29 июля 1294 г.

Содержание.

I. «Исторический человек» 5
II. Начало карьеры 10
III. Сухомлинов — литератор 15
IV. Киевский период 20
V. Начало петербургского периода 25
VI. Сухомлинов — военный министр. Первые шаги . 33
VII. Окружение военного министерства 39
VIII. «Бездействие власти» 58
IX. Сухомлинов — Государственная Дума и отзывы о нем политических деятелей 67
X. Сухомлинов — и война 78
XI. Война — и Сухомлинов 87
XII. Отставка 102
XIII. Остап Бондаренко — «Опять на хуторе» . . . 110
XIV. Дни расплаты 116
XV. Post-Scriptum — По поводу мемуаров Сухомлинова 127

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

„БЫЛОЕ", кн. 14-ая. Статьи: *Вера Фигнер.* Сановники в Шлиссельбургской тюрьме. Пр. *Е. Тарле,* кн. Бисмарк и цареубийство 1 го марта 1881 г.—*Б. Л. Модзалевский,* Достоевский-сотрудник „Русского Вестника". Из дневника кн. В. Орлова.— *А. М. Туринев,* Записки.—*В. И. Засулич,* Воспоминания.—*М. К. Лемке,* Как создали „процесс" Чернышевского.—*П. Е. Щеголев,* Таинственный узник. ц. 60 к.

„БЫЛОЕ", кн. 16-ая. Статьи: *О. В. Аптекман,* Две дорогие тени.—*Вл. Л. Утгоф,* У фимское Государственное Совещание 1918 г.—*Е. Н. Ковальская,* Мои встречи с С. Л. Перовской —*Н. Халтурин,* Семейные воспоминания о Степане Халтурине.—*Л. Клейнборт,* М. И. Гурович - Харьковцев. —С.-Петербургское Охранное Отделение в 1895-1901 г.—*И. М. Гревс,* В годы юности.—*В. В. Святловский,* К истории первого мая.—*Б. И. Николаевский,* Первое выступление М. Горького.—*П. Е. Щеголев,* Из истории Шлиссельбургской крепости, и др. ц. 60 к.

„БЫЛОЕ", кн. 17-ая Статьи: *П. А. Кропоткин,* Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? *П. А. Кропоткин,* Идеал в революции. Справка департамента полиции: Князь П. А. Кропоткин на государственной службе.—*Ник. Ашешов,* П. А. Кропоткин и русское правительство в 1875 г. —*М. П. Леонтьев-фон-Герцфельд,* Воспоминания о побеге П. А. Кропоткина.— Н. А.-В, Побег П. А. Кропоткина.—*Н. Критская,* Из воспоминаний о П. А. Кропоткине,—*И. Я. Гинцбург,* Мое последнее свидание с П. А. Кропоткиным. —*В. Сазонов, В. Рыжев, А. Шаховская,* П. А. Кропоткин в Дмитрове.—*Е. Линд,* Последние дни П. А. Кропоткина.—*Н. Лебедев,* П. А. Кропоткин, как теоретик био-социологического закона взаимопомощи.—*Э. Гольдман,* П. А. Кропоткин. Восстание на кругобайкальской дороге 1866 года. ц. 40. к.

„БЫЛОЕ", кн. 19-ая Статьи: *В. П. Семенников.* Новый текст „Путешествия" Радищева.—*О. К. Буланова,* Декабрист Ивашев и его семья.—*Георгий Чулков,* Ф. И. Тютчев и его эпиграммы.— *З. К. Пекарский,* Рабочий Петр Алексеев.—*О. В. Аптекман,* Флеровский-Берви и чайковцы.—*Р. М. Кантор,* На грани смерти.— *В. В. Святловский,* На заре российской социал-демократии.— *Е. В. Тарле,* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.— *А. Рафес,* Мои воспоминания.—*Вл. Канторович,* Французы в Одессе.—*Т. Богданович,* В. Г. Короленко в последние годы жизни. ц. 75 к

„БЫЛОЕ", кн. 20-я. Статьи: *С. Протопопов,* Материалы для характеристики В. Г. Короленко.—*В. Евгеньев-Максимов,* Агония „Современника".—*А. Р. Кугель,* Литературные воспоминания.— *Н. Кареев,* Письмо Карла Маркса к М. М. Ковалевскому о физиократах.—*С. Штрайх,* Декабрист П. И. Пестель.—*П. Н. Фирсов,*

Александр второй.—*И. И. Майнов*, На закате народовольчества.—*Н. Ростов*, Новое о Ленских событиях.—*С. П. Белецкий*, Григорий Распутин.—*Евгений Колосов*, Крестьянское движение при Колчаке.—*В. В. Водовозов*, Царская Россия, и др., ц. **1** р.

„БЫЛОЕ", кн. 21-ая. Статьи: *А. А. Корнилов*, М. А. Бакунин.—*К. А. Пажитнов*, Возмущение крестьян на фабрике кн. Гагарина.—*А. А. Шилов*, С. Г. Стахевич и его воспоминания.—*С. Г. Стахевич*, Среди политических преступников.—*Р. М. Кантор*, К процессу В. И. Засулич.—*И. И. Майнов*, На закате народовольчества.—*Б. И. Иохельсон*, Из переписки с П. Л. Лавровым.—*С. П. Белецкий*, Григорий Распутин.—Из воспоминаний *М. В. Родзянко*,—*Е. Е. Колосов*, Как это было, и др., ц. **1 р. 30 к.**

„БЫЛОЕ", кн. 22-ая. Статьи: *Н. Н. Фирсов*, Александр первый.—*К. Чуковский*, Некрасов и деньги.—*А. А. Корнилов*, М. А. Бакунин.—*В. И. Жуковская*, Воспоминания о Некрасове.—*С. Г. Стахевич*, В Тобольской тюрьме.—*Петр Быков*, Былые знакомства и встречи.—*Г. Сандомирский*, Александр II и имп. Евгения.—*И. И. Майнов*, На закате народовольчества.—*Д. Заславский*, Темное дело.—*Вл. Канторович*, Александра Федоровна Романова (опыт характеристики).—*С Белецкий*, Григорий Распутин.—*Н. Осипович*, Как тайное стало явным?—*А. Попов*, Революция в Баку и др. ц. **1 р. 50 к.**

„БЫЛОЕ", кн. 23-ая. Статьи: *В. Л. Комарович*, Юность Достоевского.—*Е. Е. Колосов*, Н. К. Михайловский в деле Каракозова.—*А. Р. Кугель*, Литературные воспоминания. Письма марксистов к Н. К. Михайловскому.—*Мих. Могилянский*, В девяностые годы.—*Л. С. Ивановская*, Дело Плеве.—*Д. О. Заславский*, А. Д. Протопопов. Переписка Николая и Александры Романовых, и др. ц. **2** р.

„БЫЛОЕ", кн. 24-ая. Статьи: *Н. Тахтарев*, Ленин и соц.-дем. движение. Неизданный автограф *В. И. Ульянова-Ленина*.—*Н. Н. Фирсов*, Призрак социализма перед Николаем I.—*О. Буланова-Трубникова*, Страничка воспоминаний.—*Мих. Могилянский*, В девяностые годы.—*И. Ракитникова*, К биографии Ст. В. Балмашева.—*В. Берентам*, За кулисами „суда".—*Л. Клейнборт*, Встречи с Леонидом Андреевым.—Похождение Илиодора.—*Вл. Канторович*, Федор Линде.—*Ив. Деревенский*, Бандиты.—*А. П. Пребылева-Корба*. Два письма Михайлова.—*В. Н. Фигнер*, Новая книга о Шлиссельбургской крепости, и др. ц. **2 р. 25 к.**

„БЫЛОЕ", кн. 25-ая. Статьи: *Н. Лернер*, Памяти Пушкина. I. Рылеев и Кюхельбекер 14 декабря 1825 года. Неизданный рисунок Пушкина II. Неизданное письмо Пушкина.—*В. Р. Лейкина*, Петрашевец Н. А. Спешнев (к 75-летию дела петрашевцев).—М. Н. Чернышевский, Константин Маковский на процессе 1 марта 1881 года.—*Андрей Брейтфус*, Из воспоминаний о казни 3-го апреля 1881 года. *Е. А. Серебрякова*, Встречи с Дегаевым.—*Д. О. Заславский*, Взвол-

н[illegible]ные Лоботрясы". (Из истории „Священной Дружины"). [illegible] Р[illegible]тор Климов.—*Б. Федоров,* Иван Окладский в Тифлисе.—*В. [illegible]тин-Ярцев,* Тени прошлого. Воспоминания.—*Марк Горбунов* В[illegible] Ленин в Красноярске.—*Вл. Крутовский,* К биографии В[illegible] Ленина.—*Эдоардо Коляри,* Русская тайная полиция в Ит[illegible]л[illegible].—*А. Тюшевский,* К делу Романовцев.—*В. Градский,* Шлиссельб[illegible]кая каторга. (Крепость на острове).—*Б. С. Панкратов,* С [illegible]арем в Тобольске. Из воспоминаний.—*С. Мстиславский,* М[illegible]вый месяц. Из воспоминаний о Деникинщене на Украине.—*Н[illegible] Фирсов,* Победоносцев. Опыт характеристики—по письмам. *Ф[illegible] Линкин-Череванин (Нежданов),* Кто был автором „двух п[illegible] марксистов к Михайловскому" (письмо в редакцию). *Е. И. Я[illegible]кин,* О записках декабриста А. М. Муравьева.—Памяти М[illegible] Чернышевского—Л. Г. Дейч и „Народная Воля". Статьи *В[illegible] Фигнер, А. П. Прибылевой-Корба Чернявской-Бохановской, А[illegible] Прибылева.* Рисунки: Рылеев и Кюхельбекер. Неизданный р[illegible]нок Пушкина, Н. А. Спешнев. Неизданный портрет, портреты, раб[illegible] К. Маковского—Желябов, Кибальчич, Перовская, Рысаков и Михайлов. ц. 2 р. 50 к.

„[illegible]ЫЛОЕ", кн. 26-ая. Статьи: *Б. Модзалевский,* Сто лет тому н[illegible] (роман декабриста Каховского).—*В. Р. Лейкина,* Петрашевец. Н[illegible] Мамбелли.—*О. В. Аптекман,* Дмитрий Рогачев в его „Испо[illegible]к друзьям" и письмах.—*Шестериков,* Письмо Н. В. Шелгун[illegible].—*В. Градский,* Шлиссельбургская каторга. Из воспоминаний. Н[illegible]ление.—*Ф. Покровский,* Расходы на „известное его императ[illegible]кому величеству употребление" (1906—1913 г.г.).—*И. Гросман-Р[illegible]ин,* Дмитрий Багров, убийца Столыпина (из записной книжки).—*С. [illegible]стиславский.* „Поездка в Нежин". Из воспоминаний о дени[illegible]ике на Украйне.—*Вл. Боцяновский,* Карикатуры и цензура в [illegible]але XX в. (Из воспоминаний редактора сатирического жур[illegible]).—*Б. Панкратов,* С царем в Тобольске (Из воспоминаний).—П[illegible]оградская контр-разведка накануне революции. Из воспоми[illegible]й сотрудника.—*И. Попов Ленский,* Английская интервенция и [illegible]бирские дела в 1918—1919 г.г.—*Д. Заславский,* „Взволнован[illegible] лоботрясы" 1. Из истории „Священной Дружины". 2. „Ло[illegible]рясы" за работой. 3. Доктор Нивинский и его двойник. 4 [illegible]квидация.—Библиография: *Евгений Колосов, А. В. Прибылев.* В [illegible]намитной мастерской и Карийская политическая тюрьма.—*А[illegible] Горбунов,* Мученики Шлиссельбургской крепости, составлено К[illegible]ем Соболевым. ц. 2 р. 50 к.

[illegible]иги высылаются наложен. платежом по высылке 50% [illegible] суммы заказа. Пересылка за счет заказчика.
[illegible]тора журн. „Былое" Ленинград. пр. Володарского, 21.

Только-что вышли и поступили в продажу новые книги:

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ДНЯ 9 ЯНВАРЯ

П. М. Рутенберг

УБИЙСТВО ГАПОНА

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ. ц. 75 к.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

1. Д. О. Заславский. — **Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. ц. 50 к.**
2. С. Б. Любош. — **Русский фашист В. М. Пуришкевич. ц. 40 к.**

Ранее вышли:

К. А. Пажитнов. — **Положение рабочего класса в России** (рекомендована Гусом, как учебное пособие). ц. 2 р.

Его же. — **Развитие социалистических идей в России. ц. 2 р. 50 к.**

Д. О. Заславский и В. А Канторович. — **Хроника февральской революции.** ц. 3 р.

В. В. Титлинов. — **Церковь во время революции.** ц. 1 р. 50 к.

В. С. Панкратов. — **Жизнь в Шлиссельбургской крепости. ц. 50 к.**

М. И. Михайлов. — **Записки 1861—1862 гг. ц. 50 к.**

Декабрист А. М. Муравьев. — **Записки.** ц. 15 к.

Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. — **Воспоминания и письма.** ц. 30 к.

Фихкельсон и Кантор. — **Геся Гельфман.** ц. 15 к.

Сологуб-Чеботаревская. — **Женщина накануне революции 1879 года.** ц. 1 р. 50 к.

13 б

БЫЛОЕ

Digitized by Google